

Дорогой Гане от папы

18.11.1921

Её уж нет, но она всегда перед моими глазами.

Сергей Башинджагян

МОЙ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

(Биография в рассказах)

1. РАННЕЕ ДЕТСТВО	3
2. ЖИЗНЬ В ТИФЛИСЕ	9
3. В СТОЛИЦЕ	18
4. ПЕРЕКОЧЁВКА НА ДОН	26
5. СНОВА В ПЕТЕРБУРГЕ	31
6. В ОСТЗЕЙСКОМ КРАЕ	36
7. ПЕРВЫЕ ШАГИ	46
8. КРИЗИС ЖИЗНИ. ЖЕНИТЬБА	57
9. УЧЁНАЯ КАРЬЕРА	63
10. ФИНАЛ ЖИЗНИ	72

1. РАННЕЕ ДЕТСТВО

Я помню себя с того момента, когда мы переезжали на новую квартиру, после продажи нашего родительского дома с торгов за долги, после смерти моего отца. Разбирали тахту, которая служила нам общей спальней и в качестве обеденного стола. Я расплакался, и когда меня спросили: “ почему я плачу?”, то ответил: ”а где же мы будем кушать лоби?” В бухаре варился наш обед.

Комнату я вспоминаю смутно, но камин, где варился лоби, вижу и теперь. Двор и сад перед домом также у меня в тумане. Мне было, очевидно, года два не больше, так как образа отца никак не припомню, точно также, как и весь процесс переезда в новое жилище.

X X
X

Так-ли, сяк-ли, мы давно живём в новом доме, и мне около четырёх или пяти лет. С этого времени у меня всё осталось в памяти. Мы находились, в так называемой, верхней части города Сигнаха. Имели две комнаты: одну с балконом, общим с нашими соседями, и другую полуподвальную, под ней, с земляным полом. Небольшой двор перед домом заканчивался полуподвальным плодовым садом, круто спускающимся вниз.

Верхняя комната была нашей “гостиной”, но за неимением соответствующей “обстановки”, стены её были украшены шкафом, полкой, вешалкой и прочим, искусно разрисованными моим старшим братом Егором. Кроме того, красовалась географическая карта Европы с треугольным островом Сицилия, близ итальянского сапога, название которого меня приводило в восторг. Слово “сицилия” в переводе на грузинский язык означает “смех”. А мы дома все говорили по-грузински. Наружная часть стены, примыкающая к балкону, тоже была разрисована, причём сильное впечатление на меня производило нечто, бродя панно, изображавшее полудеву-полурыбу, плавающую в тёмно-синих волнах.

Как раз в этом уголке балкона происходили занятия моей матери Гаяне с детьми-подростками наших ближайших соседей начальной грамотой, за что получала она несколько рублей. Это был единственный источник нашего существования. Старшие мои братья ещё учились, поэтому о заработке не могло быть и речи, если не считать случайных заказов на вывески у Егора.

“Парадный” вход в нашу квартиру был со стороны улицы, причём имелась тут небольшая деревянная лесенка без перил, по левую сторону которой росло невысокое айвовое дерево. Со стороны же балкона, выходящего во двор, спускалась довольно крутая узкая лестница, выложенная кирпичом и заканчивающаяся большим плоским камнем.

Эта лестница мне хорошо запомнилась по следующему случаю.

Ученики матери часто играли со мной, иногда угощали своими лакомствами, а то случалось, что и дрались... И, вот, раз, когда я стоял у злополучной для меня лестницы, кто-то толкнул меня, и я кубарем полетел вниз. Что было дальше не помню, так как очнулся в постели с разбитой головой, круто перевязанной бинтом. Пролёжал я довольно долго. Лоб распух настолько, что веки закрылись и я едва мог видеть. Кругом говорили: “Серго ослеп”.

Конечно я не ослеп, но в пожилые годы это падение безусловно отразилось на состоянии здоровья. Частые головокружения, повторявшиеся у меня, частично, являются последствием этого злополучного падения.

Незатейливые обеды наши заедались домашним грузинским хлебом, который мать выпекала тут же во дворе в специально устроенной для общего пользования подземной круглой печи, выложенной глиной. Она топилась хворостом, и по окончании сгорания и удаления дыма, образовавшиеся горячие, пеплом покрытые угли служили для выпечки продолговатых, имеющих форму серпа, хлебов. Такая самодельная печь при этом прикрывалась толстыми обрезками досок, а сверху накладывали ещё что-то, вроде грубых мешков. Не раз обжигал я себе руки, просовывая их в печь, чтобы узнать, готов уже хлеб или нет.

Пекли мы хлеб в неделю раз, так что на шестой-седьмой день он покрывался плесенью. Хлеб хранился в больших медных котлах, прикрытых крышкой. Но был хорош обычай: разносить по соседям свежеспечённый хлеб, и в замен, конечно же, получали. Так что, временами, перепадал и свежий горячий хлеб.

Дома уверяли меня, когда я отказывался есть чёрствый хлеб, что, кто ест с плесенью хлеб, тот разбогатеет.... Но этого всю жизнь я так и не дождался.

Нашим основным питанием был хлеб с сыром, а когда последнего не бывало, то – хлеб с луком или со слабым кисленьким сиграхским вином. Хлеб мочили в чайном стакане вина и так ели. Эта еда называлась “боглодзо”.

О молоке и сливочном масле не имел я и понятия, а яйца вкушал только в пасхальные дни. Любимым лакомством были зажаренные кусочки курдюка, оставшиеся после его топки. По воскресеньям же бывали торжественные обеды с мясом...

Нас окружали со всех сторон близкие родственники. В двух шагах от нас, через переулочек, был дом моего дяди по матери Семёна Кулиджанова, довольно зажиточного человека. Верхний этаж он сдавал уездному начальнику князю Челокаеву, а в нижнем этаже в четырёх просторных комнатах, жил он сам с семьёй. Он недавно женил своего старшего сына Николая на очень симпатичной и миловидной девушке Манане. Мать моя повела меня на их свадьбу. Невеста так мне понравилась, что я матери покою не давал, прося повести меня ещё один раз к ним в гости. Я был положительно влюблён в эту красавицу. Надо мной страшно потешались, но милая Манана обнимала и целовала меня, и это доставляло мне громадное удовольствие. И так, первую любовь я испытал пятилетним мальчишкой.

Младший сын дяди учился в гимназии в Тифлисе. Ему вздумалось однажды прислать в подарок Егору акварельные краски, но забыл, чудак, приложить к ним кисти. Егор, так любивший меня, не пожалел моих волос и моментально соорудил себе солидную кисть, несмотря на мои отчаянные протесты.

С нашего двора была видна кухня Челокаевых, где их повар в переднике и белом колпаке двумя массивными кухонными ножами мелкой дробью отбивал мясо для приготовления различных, мне неизвестных, блюд. Я каждый раз внимательно следил за его аристократической работой и приходил в восторг от его ловкости и разнообразия получаемых от ножевых ударов мотивов.

Судьбе было угодно, чтобы эта самая семья в 1874 году, когда Егору было около шестнадцати лет, взяла его с собой в Тифлис для поступления в школу живописи и в дальнейшем в Академию художеств.

Рядом с нашей квартирой, в нижнем этаже, жила моя тётя, старшая сестра матери, Эленка, с семьёй своего сына, приблизительно в таких же материальных условиях, как и мы. В нашей семье, я не помню, чтобы матушка наказывала кого-либо из своих детей. Но однажды, случилось так, что брат мой Христофор, который был старше меня на семь лет, провинился в чём то очень серьёзном. Требовалось, очевидно, физическое воздействие, но выполнить его сама матушка, по своей доброй натуре, не могла. Она обратилась за содействием к своей сестре. Эленка, опытная в таком деле, не отказалась исполнить просьбу любимой сестры, и так начала дубасить бедного Христофора, что, в конце концов мать сама бросилась на сестру, чтобы вырвать из её рук своего мальчишку. За компанию с Христофором я стал тоже реветь.

Также не помню, чтобы мать, даже пальцем, когда-нибудь тронула меня, хотя и был я невыносимым ребёнком (и в добавок ненасытной утробой), вечно волочащимся за матерью.

Х Х
 Х

На параллельной улице, ниже нас, находился дом моего второго дяди Кишварда Кулиджанова, состоящего из трёх больших комнат и подвального помещения для приготовления и хранения вин. Перед окнами была широкая, во всю улицу дома, веранда, а дальше начинался виноградный сад, спускавшийся к неглубокому оврагу. Двух старших сыновей дяди обучал мой третий брат Ваню, который был года на полтора моложе Егора, и уже заканчивал местное уездное училище. За это получал он два-три рубля в месяц вознаграждения. Семья дяди жила в довольстве и дети были одеты обуты прекрасно.

У матери были ещё две сестры – самая старшая Мада и самая младшая Нина. Мужья их были тоже люди обеспеченные: имели собственные дома и сады. Будучи окружены таким обилием имущих родственников, мы от них никакой материальной помощи не видели, да и никогда ничего не просили, несмотря на то, что бабушка по матери, большую часть года жила у нас, а не у них. Это была очень симпатичная и красивая старушка, небольшого роста, всегда укутанная в опрятную, мехом обитую, шубку. Она постоянно помогала моей матери в домашней работе, а с нами, детьми, была более, чем обходительна.

Х Х
Х

Старшие братья Егор и Ваню, вместе с двоюродным братом Сандро, где-то видели представление приезжих циркачей, и так увлеклись этим спортом, что вздумали сами организовать подобное зрелище для сигнахцев, и стали усиленно готовиться к этому. Вся эта затея для меня составляла большую забаву и я был непременным членом каждой их репетиции.

Упражнения на турнике и другие цирковые номера велись в верхней комнате, где проживал наш жилец Носидзе. Последний целый день бывал на своей службе в городском самоуправлении, а по вечерам, если и сидел дома, то старался всемерно поощрять “труппу” в затеянном ею деле. Роли были распределены следующим образом: Сандро- атлет и гимнаст, Егор – акробат, и вместе с тем, режиссер труппы, Ваню – клоун и одновременно акробат. Меня тоже хотели включить в репертуар, так как умел закладывать ноги за шею, но потом отказались от этой мысли, боясь, что я оскандалю их.

Через недели три, перед какими-то праздниками, в здании уездного училища был назначен спектакль. Меня, конечно, тоже взяли туда и посадили на возвышении рядом с шарманщиком, который изображал собою оркестр.

Зал был битком набит публикой. Хотя цены на билеты были весьма умеренные, от десяти до сорока копеек, валовой сбор всё-таки превышал двадцать рублей... Представление началось. Заиграла шарманка. Я себя чувствовал на седьмом небе от удовольствия сидеть на самом почётном месте, слышать гром аплодисментов по адресу моих братьев и обозревать всю сигнахскую знать.

Больше всего мне понравилась пантомима, где клоун, фигурой представлявшей собою чуть ли ни шар, стал бегать и кружиться по арене и сбрасывать с себя жилеты, под громкий хохот и выкрики уже воодушевлённой представлением публики “галёрки”. Ваню, сбросив с себя дюжину жилетов, превратившись в сухопарого мальчика, сделал несколько сальто-мортале и исчез за кулисы. Цирковое представление продолжалось довольно долго. Веки мои отяжелели, глаза стали закрываться...

Сколько прошло времени я не знаю, но вдруг очнулся от неистовых аплодисментов и гомерического хохота публики. Эта овация была по моему адресу. Я оказывается не только заснул, но и так захрапел, что мелодичные звуки шарманки унеслись куда-то в даль и все присутствующие любовались и восторгались моим заключительным номером представления...

Х Х
Х

Егоровская инициатива, как бывшего режиссёра наших циркачей, пошла ещё дальше. Где-то он достал бычий пузырь, разрисовал его в виде страшной рожи и соорудил себе ходули. На пузырь напялил высокую папаху и приделал к своей голове. Затем, одел какой-то длинный балахон и поднялся на ходули. Дождавшись, пока немного стемнеет,

он вышел на улицу в таком виде и стал гигантскими шагами расхаживать. Встречные прохожие, в особенности женщины, с криком и ужасом разбегались во все стороны от такого невиданного чудовища.

Ко времени отъезда Егора в Тифлис на учёбу, Ваню блестящее окончил уездное училище и служил уже писцом в одном из городских учреждений, что являлось большой подмогой матери, а Христофор так и не доучился, увлекаясь альчиками и другими уличными играми.

Я ещё не отходил от своей матери и всюду сопровождал её. Мы часто ходили к некоторым своим родственникам. Я в особенности любил бывать у тёти Нино, очень радушной и весёлой женщины, тем более, что один из её сыновей, Семён, был моим сверстником и я очень любил с ним играть.

Как-то мы попали к ним ранней осенью и я любовно наблюдал как готовят знаменитое лакомство “чурчхел”. Это делалось так: нанизывали сначала на плотные нити иголкой очищенный грецкий орех. Затем принялись варить в большом котле выжатый виноградный сок, всё время размешивая его большой деревянной ложкой, пока он не сгустился и принял коричневый цвет. Немного переждав, пока сок чуть остынет, начали туда опускать по несколько раз нанизанные орехами нити. Орехи стали постепенно покрываться сгущённым соком, всё время утолщаясь, и нити превратились, как-бы в коричневые свечи. В таком виде “чурчхел” стали развешивать на натянутые верёвки, как бельё для просушки.

Не прошло и получаса как откуда-то налетело много пчёл, которые не давали нам, детям, приближаться к сладкому лакомству, чтобы хоть одну штучку сорвать с верёвки.

Мне доставляло также большое удовольствие занятие матери шелководством. Вот, что я видел: на длинном дощатом столе были кучками разбросаны тутовые листья, которыми кормились шелкоочные черви. По мере поедания листьев, корм пополняли свежими молодыми листочками. Черви росли, увеличивались в размерах, а затем наступало время их окукления. Тогда расставляли целые веточки с тутового дерева, на которые переходили отяжелевшие шелкоочные черви и начинали окукляться. Через несколько дней образовывались на ветках коконы белого и светло жёлтого цвета. По прошествии определённого времени на коконах появлялись чуть заметные отверстия, откуда вылетали, к моей радости, небольшие красивые светлые бабочки, которые порхали по комнате, а некоторые из них улетали на свободу....

Мать собирала опустевшие коконы, обваривала их в тазу кипятком, отчего получалась большая вязкая масса. Затем из этой тягучей массы постепенно вытягивала шёлковые нити, просушивала их и закручивала в клубочки.

Нередко совершали с матушкой, в компании с соседками, дальние прогулки. Из этих экскурсий особенно приятное впечатление на меня оставили посещение монастыря Св. Нины и района старой крепости с видом на Алазанскую долину. Монастырь Св. Нины расположен в верстах полутора от города среди холмов, покрытых густой зеленью. И сам монастырь утопает в фруктовых садах и цветниках. Церковь обслуживают сами монашки, также как и всё хозяйство монастыря. Я слышал в церкви мелодичное пение монахинь и пришёл в восторг. Это был первый случай в моей жизни, чтобы видеть и слышать подобную службу в Божьем храме.

Другое путешествие – к крепостным стенам – носило иной характер. Нам пришлось сначала пройти почти весь город по кривым и косым немощёным улицам и затем подняться к крепости.

Первая остановка была у маленькой церкви Св. Георгия, прилепленной к стене крепости. Пока мои спутницы молились Богу, я стал рассматривать иконы с теплящимися перед ними восковыми свечами. Особое впечатление на меня произвело изображение Св. Георгия на ретивом коне. В руках он держал предлинное копье, чтобы пронзить огромнейшую змею, извивающуюся у ног коня. Я долго глядел на эту икону и удивлялся искусству мастера, написавшего такую трагическую картину.

Далее мы шли вдоль стен крепости, откуда был виден Сигнах как на ладони, весь утопавший в фруктово-виноградных садах. Наконец дошли до крепостных ворот, откуда открывалась, по другую сторону крепости, по направлению на север, знаменитая Алазанская долина.

Входим в ворота: по правую сторону расположилось кладбище со своими бесчисленными надмогильными плитами, взглянув же налево я увидел вдали сады и домики ближайшей к городу деревни Карданах. Прямо же перед нами открылась бесконечная долина, теряющаяся в тумане. На первом плане обрисовались островки леса а за ними река Алазань. На самом горизонте высились белоснежные вершины Главного Кавказского Хребта, освещённые последними лучами заходящего солнца. От этой картины я долго не мог оторвать своего взора, пока мать не взяла меня за руку и повела направо к могильным плитам наших дедов и прадедов. Тут вся компания расселась чтобы отдохнуть и немного закусить. Потом стали осматривать отдельные могилы с различными надписями на каменных плитах о покоящихся под ними. Моя мать прочитала на одном из ветхих камней следующую оригинальную надпись на грузинском языке: "Возможно-ль дольше жить на этом свете, когда за сотню яиц приходится платить целый шаур?" (пять копеек). Несмотря на траурное настроение все рассмеялись и я вместе с ними, хотя, в сущности, я не понял над чем они смеются.

Х Х
Х

Прошло ровно два года со дня отъезда Егора в Тифлис. Он уже успешно окончил школу живописи, принимал кое-какие заказы по декоративной живописи, и, кроме того, служил писцом в судебной палате. Это было в 1876 году, когда мне минуло семь лет. В Сигнахе было тревожно. Ходили слухи о предстоящей войне с Турцией и в связи с этим поговаривали о нападении горцев на город. По ночам ходили вооружённые патрули из местной молодёжи, в числе их и наш Ваню.

Получили от Егора письмо с предложением переехать в Тифлис, как более безопасное место. Матушка, после некоторых колебаний, согласилась на это переселение, и начались постепенные приготовления к отъезду. Ваню пока должен был остаться в Сигнахе, так как он служил и, кроме того, обучал детей дяди Кишварда. Лето было на исходе. Предстояли церковные празднества собора Сурб-Карапета, к которым сигнахцы готовились с большой торжественностью. Должны были

иллюминировать высокую колокольню этого собора, на что требовались большие смельчаки.

Наш Сандро первым вызвался украсить самую верхушку колокольни цветными фонариками и своё обещание выполнил с большой виртуозностью. Недаром показал он себя во время циркового представления хорошим атлетом и незаурядным акробатом! За два дня до отъезда в Тифлис я был свидетелем замечательной иллюминации района собора, в которой центральное место занимала колокольня, обвитая в виде гирлянд бесчисленным количеством разноцветных фонариков. В фейерверках тоже не было недостатка.

В день отъезда в Тифлис фургон уже с раннего утра стоял около нашего дома со стороны улицы. Собрались родственники и ближайшие соседи, чтобы с нами проститься. Тут же была тётя Нина с Семёном. Семён всё время хныкал и под конец даже расплакался, прося что-то у своей матери. Мы уже садились в фургон, когда моя матушка отломил кусок чурчхела и дала ревущему мальчику, чтобы его успокоить. Такое сепаратное угощение мне, почему-то, не понравилось и я толкнул Семёна с такой силой, что он, несчастный, покатился по кособору вниз, и прямо к нашему айвовому дереву, возле деревянной лестницы.

Так я простился со своим коллегой и родным Сигнахом....

2. ЖИЗНЬ В ТИФЛИСЕ

В конце лета 1876 года мы на фургоне, нагруженным нашим скарбом, въезжали в Тифлис. После тихого Сигнаха мне казалось, что я попал в какой-то Вавилон. Кругом шум, гам, беготня, скрип арб, экипажей, бесконечные улицы и масса нагромождённых друг на друга домов. Всё это произвело на меня ошеломляющее впечатление. Мы проехали всю Авлабарскую окраину города, стали спускаться мимо высокой-превысокой церкви и Метехского замка, затем переехав бурную реку Куру, очутились на Татарском майдане, около древнейшей в Тифлисе церкви Святого Георгия. Это мы подъехали к месту нашего ночлега. При церкви имелись комнаты для богомольцев и случайных приезжих семейств.

Здесь поджидал нас Егор, который на второй же день нашего приезда стал подыскивать нам квартиру. Помещение было нанято недалеко от места нашей остановки. Нужно было пройти всего одну узкую улочку от Майдана по направлению к Абас-Абадской площади, и не доходя одного или двух домов до неё, находилось наше новое убежище.

Это было полуподвальное и полутёмное помещение с двумя окнами, выходящими в маленький двор. Так как потолок у него был сводчатый, то мы прозвали его фургоном. Район, где мы поселились, был со смешанным населением, но преобладали, всё-таки, мусульмане, в особенности начиная с Майдана по направлению к знаменитым Тиффлиским серным баням. Да и в соседнем с нами доме жили какие-то

подозрительные мусульманки, у которых, почти ежедневно, чередовались оргии со скандалами.

Тут я быстро научился модным татарским песням, распевавшимся на улицах и разной ругани. Также совершал прогулку к Майдану, где для меня было много соблазна. На лотках продавали леденцы и сахарных петушков, чайчи расхаживал по площади и выкрикивал: "джанджафил чай, джанджафил чай". Он был опоясан широким кушаком, в котором спереди были воткнуты небольшие стаканы с перетяжкой, как в патронташе. А в правой руке держал он большой медный чайник с таким приспособлением внизу как у самовара. Чтобы выпить этот сладкий и ароматный напиток, нужно было в кармане иметь две-три копейки, а их у меня не было...

Здесь же на площади лежали верблюды, гружёные яблоками, зерном, солью и другими продуктами в ожидании покупателей: а кругом из лавчонок продавцы выкрикивали названия своих съедобных и несъедобных товаров, зазывая покупателей.

Х Х
Х

Егор, сейчас же, по водворении нас в новую квартиру, пристроил Христофора в качестве "мальчика" в один из магазинов галантерейных товаров в каравансарае Тамамшева на Эриванской площади, на жалование четыре рубля в месяц. Ему шёл уже пятнадцатый год.

Через месяца два после нашего переселения из Сигнаха к нам приехал и двоюродный брат Сандро. Теперь у нас в "фургоне" было уже пять человек.

Но день его приезда ознаменовался для меня неприятным приключением. Сандро накупил на базаре вдоволь "храмули" (мелкая варёная рыба) и за обедом я слишком увлёкся ею, забыв о костях, и подавился.... Но сообразительный Сандро ловко схватил меня за ноги и тряс до тех пор, пока я сильно не раскашлялся и не выпала застрявшая кость. После этого случая, и по сей день, я боюсь есть костлявую рыбу.

За время пребывания в этой квартире мне хорошо запомнились ещё два больших события из моей детской жизни, это первый торжественный визит к каким-то нашим дальним родственникам и путешествие к вновь строящемуся вокзалу Баку-Тифлисской железной дороги.

Подготовка к визиту шла довольно долго. Мать предварительно сшила мне новый костюм с блестящими пуговицами, напоминавший гвардейский мундир, и к нему чёрные короткие штанишки. Вот в таком наряде мы с матушкой направились в гости. Путь был довольно далёкий: дом находился где-то за Воронцовским мостом. Наконец добрались до цели.

Не успел я войти во двор, чтобы узнать дома ли наши желанные родственники, как лежавшая неподалёку маленькая собачка приподнялась и залаяла на меня. Я давай бежать назад, и полетел. В этот момент собачка схватила меня за ногу, а через несколько секунд моя другая нога очутилась в пасти какой-то второй собаки. На мой рёв собрался весь двор, а моя несчастная мать должна была констатировать тот факт, что я ранен вдвойне.

Были приняты самые экстренные санитарные меры: на раны обеих ног положили по одному лоби, снизу наложив предварительно шерсть, срезанную с собак, и туго перевязали укушенные места... Нельзя сказать, чтобы я вернулся домой в весёлом настроении!

Два клейма симметрично расположенные на икрах обеих ног, остались на всю жизнь, как символы моего первого визита в Тифлисе.

Посещение строящегося вокзала было боле удачное и гораздо занимательнее. Тут собралась целая компания соседок с детьми и мы все гурьбой направились по главным улицам Тифлиса прямо к памятнику Воронцову. Затем свернули к немецкой колонии и вскоре очутились на открытом поле. Вдали виднелись различные постройки с крышами и без крыш и множество непонятных мне сооружений. Изредка раздавались резкие свистки и двигались какие-то тёмные массы, выбрасывая пар. По зелёным полянкам шли мы около получаса, делая маленькие передышки для старших, а мы дети – для игры в чехарду.

Вот мы уже возле грандиозного здания, но пока без крыши. За зданием бесконечные рельсы, по которым катятся площадки на колёсах, гружёные песком и каким-то железом. Их тащит, вместо лошади, какая-то пыхтящая громада, выпускающая искры, дым и пар. В отдалении стоят блестящие зелёные, жёлтые, синие вагоны, а за ними вереница красных вагонов без окон. Кругом шум, гам, толкотня и беспрестанные звонки.

Вдоволь наглядевшись на эту диковинку, лишь к вечеру вернулись мы домой. Эту ночь провёл я беспокойно. Всю ночь мне снился паровоз-чудовище.

Х Х
 Х

В общем жизнь шла монотонно; меню наших обедов мало чем изменилось от сигнахского. Мужское поколение целый день было на службе, а по вечерам иногда нас развлекал Сандро своими фокусами. Он часто бывал в цирке и, очевидно, быстро воспринимал всё виденное и увлекался такими аттракционами. Я от него научился многим фокусам, в особенности на картах, шариках и серебряных монетах.

Беда была у нас с водой. После сигнахской ключевой воды, прозрачной, как кристалл, здесь носили в бурдюках тулухчи (водовозы) мутную воду из реки Куры, которую приходилось очищать квасцами. Зато вместо тусклой сальной свечи, по вечерам у нас горела лампочка с фотогеном (керосином). А на базаре свободно продавали картошку, которую в Сигнахе показывали только как американскую диковинку.

В феврале месяце, в дни масленицы, наступило время тифлисского карнавала “кейноба”, когда толпы народа с гиканьем ходили по улицам города, сопровождаемые всадником, сидящим задом на перёд на ишаке и держащем в правой руке обнажённый кинжал с воткнутым на кончике яблоком. Всадник был весь измазан углём, а идущие за ним двое зурначей и долчи наигрывали невероятную музыку.

Это была пародия на бывшую когда-то в Грузии ханскую власть. Толпа останавливала прохожих и брала обязательную дань в две-три копейки с каждого. Я был, конечно, непременно зрителем и даже участником такого карнавала.

В эти дни к нам во двор заходил и “капуна” (человек с накинутой на плечи буркой, к которой была приделана козлиная голова с хлопающими челюстями) в сопровождении шарманщика и распевал различные смешные песни, отплясывая и кривляясь как клоун. В этой части города вообще я многому нагляделся, но ничему хорошему не научился.

Х Х
Х

Наступила весна 1877 года. Мы решили с нашей сырой и тёмной квартиры перебраться в другую, более лучшую. Таковая вскоре была нанята в соседнем квартале, с более однородным населением и говорящем, главным образом, на грузинском языке. Она находилась на возвышении, как раз под Петхаинской церковью. Отсюда был виден почти весь город. Квартира состояла из одной, довольно большой комнаты с верандой, общей с соседями и маленького внутреннего двора.

Общество, окружавшее меня, было тоже совершенно иное. В смежной с нами комнате жила грузинская семья Кумциевых. Мальчик Васо приходился мне сверстником. А девочка Дарико была года на два, на три старше меня.

С Васо мы быстро подружились и проводили время в играх и забавах всегда вместе, а иногда даже совершали далёкие путешествия по ближайшим улицам. Дарико тоже часто принимала участие в наших играх. Она мне очень нравилась, как своей внешностью, так и обхождению с нами. Она стала моей второй симпатией после сигналахской Мананы.

Семья наша выросла. Приехал к нам и Ваню. Теперь в нашем доме были работники разнообразных специальностей. Егор – живописец, он же писарь в Судебной палате; Ваню – устроился переводчиком у судебного следователя; Сандро – приказчиком в колониальном магазине, а Христофор, по-прежнему состоит мальчиком в галантерейном магазине, но получает вместо четырёх рублей, уже шесть рублей в месяц.

Я не отставал от своих братьев. Занялся пиротехникой – приготовлял зажигательные звёздочки (кто-то из мальчишек научил меня этому искусству) из серы, угля и селитры и вкладывал в них пистоны. Это всё, вместе с яичным белком для размешивания, обходилось мне около двадцати копеек, а продавал мальчишкам сорок штук звёздочек по копейке каждую, и получал целых сорок копеек – настоящее богатство для меня. Кроме того у меня были ещё две профессии: торговля спичками и пение в церковном хоре. Временами я покупал пачку спичек (10 штук) за 7 или 8 копеек и продавал по соседям по одной копейке за каждую коробку. Вот и прибыль в две-три копейки. Пением же я занимался по воскресным дням в хоре мальчиков Петхаинской церкви, надевая на себя длинную белую рубаху с крестом на спине. За это, по окончании богослужения, получал пять копеек из денег, собираемых церковнослужителем с прихожан во время обедни. Иногда, при выходе из церкви, раздавали в память какого-нибудь усопшего “матах” (варёная баранина, завернутая в лаваш), который приносил домой и честно делился им с матерью.

Что касается пения, то в нём, я конечно, ничего не понимал, но слишком увлекался им. Однажды, даже, получил строгий выговор от домохозяйки за то, что, сидя в уборной, я распевал какую-то духовную песню.

X X
 X

Подходило время для учения. Мне было уже восемь лет, а с грамотой я ничего общего не имел, и владел, в добавок, только грузинским языком... Старшие братья взялись за меня и постепенно я стал знакомиться с букварём.

С другой стороны Егору необходимо было продолжать учение в Академии художеств в Петербурге, о чём он мечтал уже больше года. Но тут неожиданно нагрянула Русско-Турецкая война и все наши планы сразу рухнули. Все ждали каких-то ужасных событий. По улицам маршировали отряды милиции из добровольцев (тогда на Кавказе еще не призывали на военную службу). Мальчишки с газетами и телеграммами бегали по улицам и что-то выкрикивали. Мы с Васо осторожно расхаживали по ближайшим улицам и высматривали нет-ли спрятавшихся, где-нибудь, диких башибузуков или людей в красных фесках.

Прошло несколько месяцев; наши войска победоносно продвигались вперёд и уже привозили в Тифлис пленных офицеров и генералов. Я со своим коллегой решил добраться до Головинского проспекта, где в одном из больших домов квартировали пленные турецкие генералы. Но сколько мы с ним не всматривались в окна этого дома, кроме фесок и бородатых лиц, ничего не видели.

Егор, оставшись в Тифлисе, решил серьёзно заняться со мной русским языком, и отчасти, армянским, чтобы иметь возможность как-нибудь, пристроить в одной из начальных школ. Он старался всё время со мной говорить по-русски.

Как-то, в одно воскресное утро, он мне предложил пойти в немецкую церковь послушать игру на органе. Я услышав слова "церк..." и "игра" очень обрадовался, быстро оделся и мы вышли в город. Когда проходили по Головинскому проспекту и дошли до здания цирка, я стал тянуть его туда, говоря: "вот уже пришли"! Но каково-же было моё разочарование, когда Егор объяснил мне, что мы идём в дом где люди молятся под звуки органа. Чтобы не возвращаться обратно домой, пришлось исполнить его волю, плестись на Михайловскую улицу и слушать торжественную, но монотонную и скучную музыку...

Летом 1878 года война была благополучно закончена; в городе всё успокоилось и Егор решил выехать в столицу учиться, имея в кармане заработанные за последние месяцы гроши и надеясь исключительно на свои собственные силы, так как со стороны не от кого было ожидать материальной помощи.

Вано в первых числах сентября определил меня в младший приготовительный класс церковно-приходской школы при церкви Святого Георгия, где преподавание шло на армянском языке, а я хромал как в русском, так и в армянском языке, как говорится на обе ноги.

Здесь обучение шло бесплатное и школьные пособия в виде книг, грифельной доски и прочее также выдавали безвозмездно. Мне очень трудно было идти в ногу со своими товарищами, и я, сидя в классе, больше наблюдал за поведением учителя и учащихся, чем понимал, что говорилось в аудитории.

А происходило в классе вот что: учитель вызывал ученика и спрашивал урок. Если он его не знал, то хватал за руку и бил по ладони линейкой или же драл за уши и ставил на колени. Моё счастье, что Ваню был хорошо знаком с учителем, и я был ограждён от таких сюрпризов. Фамилия этого учителя была Камсаракян. Он был очень нервный и в добавок необузданный человек. Результатом первого года обучения было то, что я был оставлен на второй год.

Вся тяжесть домашних забот, включая и стирку, лежала на моей матери. Заработок братьев был таков, что можно было кое как существовать.

У Сандро была хорошая привычка по субботам к вечеру покупать баранину на шашлыки, и этого дня я ждал всегда с нетерпением. Но случилось раз так, что купленное мясо положил он на тахту, не предупредив об этом мою матушку. Когда спохватились, то оказалось, что кошка наших соседей добрую половину баранины уже слопала.

Сандро, обладавший вообще прекрасным аппетитом, так рассвирепел, что схватил кошку и со всей силы швырнул её с нашей веранды в ночное пространство. В этот вечер нам пришлось довольствоваться лишь половинной порцией.

X X
X

В следующем учебном году мои школьные дела были блестящи. Уже настолько овладел армянским языком, что всё проходимое в классе было мне понятно, а по русскому языку считался первым учеником.

Домашние дела шли также хорошо, если не считать одного обстоятельства, которое нарушило моё душевное равновесие.

Наши соседи Кумсиевы нашли жениха и собирались сосватать его со своей дочерью Дарико, которую я обожал. Назначили даже день обручения и спешно стали готовиться к нему. А главная подготовка состояла в закупке закусок, подвозе вина в бурдючках из собственного винного подвальчика самого Антона Кумсиева и, наконец, заготовке фруктов и сладостей.

Настал вечер обручения. Я с любопытством рассматривал всех приходящих гостей, чтобы хорошо разглядеть будущего похитителя Дарико – нашей Маскотты – Красного Солнышка моего сердца. Вот и он, пузатый человек средних лет, краснощёкий, с улыбкой поглядывавший на Дарико. Я готов был подбежать и ударить его по раскрасневшейся физиономии, но боялся скандала.

Обручение закончилось пирушкой, продолжавшейся до самого рассвета и бесконечным хриплым пением перепившихся гостей. А бедная Дарико всю эту ночь провела возле моей матери, проливая горькие слёзы... К концу года вся семья Кумсиевых переехала в дом жениха, где должна была состояться свадьба.

Зима 1879 года была суровая, необычайная для Тифлиса. Никакие мангалы не помогали чтобы согреть нашу комнату, а в эти дни у матери шла стирка, да ещё во дворе. Почувствовав себя плохо она зашла в комнату и прилегла на тахту. Начались у неё колики и кашель, поднялась температура. Ясно было, что мать заболела серьёзно.

X X
 X

В доме у нас, конечно, всё перевернулось. Приехала к нам тётя Мада из Сигнаха, так-как некому было вести хозяйство и ухаживать за больной. Ваню, со своей стороны, принимал все меры, чтобы облегчить положение больной матери. Пригласили одного из лучших врачей города – Бабова, который установил у больной воспаление лёгких с осложнениями и посоветовал при первой возможности, когда больная несколько оправится, переехать в другую, более гигиеническую квартиру, где было бы больше солнца.

Действительно к весне 1880 года нам удалось снять более лучшую квартиру на Лабораторной улице и переселиться туда.

К тому времени двоюродный брат Сандро ушёл от нас, так как его мать, моя тётя по отцу, Мака уже с семьёй находилась в Тифлисе.

Здоровье матери всё ухудшалось. Никакие лекарства уже не помогали и в начале лета она скончалась. Я остался круглым сиротой....

X X
 X

Лето Егор провёл в Тифлисе, приехав из Петербурга ещё до смерти матери. А затем, в начале осени, уехал обратно не один, а вместе с Христофором, чтобы вывести его в люди.... Меня же решили пристроить к тётке Маке. Ваню уже работал теперь не у следователя, а служил в фотографии "Вестли", на Головинском проспекте, в качестве негативного ретушёра. Последнему искусству он быстро научился ещё будучи переводчиком. С комнатой он устроился в том же дворе где помещалась сама фотография.

Для меня началась новая жизнь. Кто может заменить родную мать? Никто! Но тётка Мака была бесподобной женщиной. Она относилась ко мне как к родному сыну. Но я был капризным и болезненно-самолюбивым мальчиком.

Однажды, при гостях за чаепитием, я попросил у тётки налить мне третий стакан чаю. Она, вполне резонно, заметила мне, что детям не полагается так много пить. Этого было достаточно, чтобы я встал и ушёл со стола. А затем схватил фуражку и выбежал на улицу. Там играли мальчишки, которые увидев, что я бегу, пустились за мной и стали почему-то кричать: "Серго идёт топиться, Серго идёт топиться!". Пробежав одну улицу мальчишки отстали от меня, а я направил свои стопы к брату Ваню на Головинский проспект.

Выслушав меня, Ваню стал сначала успокаивать, а затем в утешение дал пять копеек, чтобы я в ближайшей лавке купил арбуз. Поручение это я быстро выполнил, но возвращаясь с арбузом обратно, не доходя до ворот, меня остановил тулухчи и спросил, сколько я заплатил за арбуз? Я сказал цену.

- Дай мне его, на тебе семь копеек!

Я взял с радостью деньги и побежал покупать другой арбуз, более крупный.

Когда я вернулся, брат удивлённо спросил, почему я так долго ходил? Я рассказал ему о моей удачной сделке с тулухчи. Брат улыбнулся и покачал головой.

Покушав арбуз, я совершенно успокоился от нанесённой мне обиды с чаем, и с повинной вернулся к тётке.

Х Х
 Х

Мне шёл одиннадцатый год. Пора было думать о средней школе. Для поступления туда нужна была другая подготовка, чем это давала приходская школа. Ваню определил меня в частное училище Орбели, где преподавание велось на русском языке. Это учебное заведение находилось недалеко от квартиры тётки Маки.

Я стал посещать эту школу и учение шло довольно удачно. Но, почему-то, занятия в школе тянулись целый день – с девяти часов утра до пяти, с перерывом от часа до двух. Поэтому я брал с собой достаточно еды в виде хлеба и сыра, а иногда на имевшиеся копейки покупал айву или яблоко.

Занятия вел сам Орбели и, частично, два или три гимназиста старших классов. У Орбели для учеников не было отдыха и по воскресеньям. Он водил в эти дни учащихся к обеду в Могнинскую церковь.

В один из воскресных дней я отсутствовал, очевидно польстившись на пятикопеечный заработок в Петхаинской церкви. На второй день, после окончания занятий, Орбели стал вызывать отсутствующих на обеду учеников и каждого награждать подзатыльником. Когда очередь дошла до меня, я схватил свои книжки и убежал, выругав Орбели каким-то бранным словом. После этого больше ноги моей не было в этом учебном заведении, хотя брат уверял, что учитель простил меня в моём прегрешении. За три или четыре месяца пребывания там я научился лишь европейским танцам, которые преподавал один из гимназистов. Лично я не был записан в число танцующих, так как за это требовалась особая плата, а наблюдал, как другие танцуют. Практика же велась у меня на дому совершенно самостоятельно.

Через некоторое время я учился уже в другой частной школе, где учёба, действительно, была поставлена образцово.

К этому времени Ваню вместе с одним своим знакомым нанял небольшую квартиру из двух комнат, куда поселил и меня.

Что касается питания, то с обедом я был пристроен в одну столовую, находившуюся по дороге в мою новую школу. Там я обедал по возвращении домой после занятий. Подавали только одно блюдо, но довольно сытное, и обязательно кружку пива к нему. Я

пил пиво, но без особого удовольствия. Мне оно казалось слишком горьким, но заменить его чем-либо другим не полагалось в этой столовке.

Учащиеся в этой школе были почти все русские и царил там исключительно русский говор, что для меня было более чем полезно. По математике я сидел с учениками старшего класса, а по русскому языку с учениками младшего. В языке мне много помогала одна сидящая рядом со мной на парте симпатичная девочка. Одно неудобство было для меня, что школа находилась слишком далеко от моего жилья, и приходилось поэтому тратить много времени на ходьбу.

В одну из перемен, когда все ученики завтракали, ко мне подошёл малознакомый мне ученик и предложил котлету со своего завтрака. Вероятно он заметил, что я единственный не закурываю.. Я взял котлету и поблагодарил его. Эта вкусная и малознакомая для меня еда так понравилась и такое удовольствие доставила она мне, что до сих пор не могу забыть её вкуса.

X X
 X

С начала 1881 года я превратился почти в настоящего беспризорного. Ваню целый день был занят в фотографии и приходил домой только к вечеру. Я делал всё, что взбредёт мне в голову. Ходил купаться в Куре около Воронцовского моста, цеплялся за задки фаэтонов, подбирая окурки папирос...

А раз мне вздумалось покупаться в Куре около Шайтанбазара, где были расположены кожевенные заводы. Здесь река течёт между отвесными скалами и совершенно спокойна. Захватил я с собой одного из уличных мальчишек и мы вдвоём проникли во двор завода. Здесь оба мы расположились на воловьей шкуре, разостланной для сушки и начали раздеваться.

В это время подбежал к нам какой-то человек и с невероятной бранью вытолкнул нас со двора... оказывается, глубина реки здесь достигает более пяти метров...

X X
 X

Как ежегодно, Егор летом приехал в Тифлис для своих этюдных работ. Захватив с собой своего Санчо-Панса (по прозвищу "Алиндило") он разъезжал по районам для собирания материала, путём набросков и этюдов, как необходимого пособия для композиции своих будущих картин.

Он решил в этот раз более серьёзно взяться за меня. К концу лета мы с ним поехали в Сигнах, чтобы получить для меня метрическое свидетельство и другие бумаги, необходимые для поступления в среднюю школу.

По возвращении в Тифлис, братья совещались относительно меня, и Егор настоял на том, что он возьмёт меня с собой в Петербург, но предварительно повёл к знакомому врачу, чтобы удостовериться в моей годности для северного климата. В первых числах сентября мы выехали в Петербург.

3. В СТОЛИЦЕ.

Путь к Северной Пальмире мы проделали в течении семи дней. Военно-Грузинская дорога произвела на меня глубокое впечатление, в особенности Дарьялское ущелье, с его бешеным Тереком и грандиозными скалами, висящими прямо над головой.

Во Владикавказ мы приехали в пасмурный день с морозящим дождём. Переночевав в городе у знакомых, следующим утром мы двинулись дальше уже по железной дороге. В это утро я впервые в жизни вступал в вагон поезда.

Сначала всё меня занимало: и торчащие столбы с проводами, и станции с полустанками, и копошащиеся люди на платформах, и, наконец, бесконечное разнообразие видимой из окна природы, но потом утомившись, прилёг на скамейку и заснул сладким сном.

Первая большая остановка была в Ростове-на-Дону, где мы должны были пересесты на московский поезд. Здесь мы стояли около двух часов, поэтому сумели хоть одним глазком взглянуть на город. Виден был могучий Дон, и от вокзала тянулась главная магистральная улица с многоэтажными домами и крупными магазинами. В ресторане вокзала я в первый раз узнал вкус омаров. Нельзя сказать, чтобы они очень понравились мне.

В дальнейшем мимо нас пролетели Новочеркасск, Воронеж, Козлов и Рязань. На четвёртый день, утром рано, мы стали приближаться к первопрестольной Москве. Здесь предстояла последняя пересадка на Николаевскую железную дорогу, ведущую в Петербург. До отхода поезда в нашем распоряжении было целых пять часов.

Егор решил ознакомить нас (с нами ехал и мой двоюродный брат Мелик Кулиджанов) с московскими достопримечательностями и повёл сначала в Кремль, где я увидел Царь-пушку и Царь-колокол, а затем в Третьяковскую галерею. По дороге мы видели несколько красивых церквей. Около одной из них, проходя под воротами, мы должны были снять свои головные уборы. В Третьяковской галерее Егор давал нам исчерпывающие объяснения по знаменитым картинам, но пока для меня это было мало понятно. Однако сюжеты многих картин меня привлекали и я долго останавливался около них.

Наша прогулка по городу закончилась обедом в трактире, где нам подали бифштекс невероятных размеров, которым мы все трое насытились, и это по московски называлось “одной порцией”.

Наконец мы на вокзале и трогаемся в путь к столице. Эта дорога отличалась от всех других своей прямолинейностью пути на всём протяжении от Москвы до Петербурга и массивными вагонами, так что скорость движения почти не замечалась и не было никаких толчков при отходе и остановке поезда на станциях. Но встречаемый пейзаж был однообразен и состоял, в особенности ближе к Петербургу, из болот и бесконечных хвойных лесов.

В день нашего приезда столица была окутана туманом. Виднелись только вышки фабричных труб, да силуэты громадных зданий. Наконец въехали в грандиозную железную клетку. Это был вокзал.

Егор жил со своим товарищем по Академии художеств Степаном Павловичем Нарсесяном на Васильевском Острове, куда мы и направились. Путь был очень длинный – через весь Невский проспект, затем через Николаевский мост на Пятую линию. Но у меня так глаза разбежались от всего нового, невиданного, что не заметил как время пролетело. Уже сидим в квартире Варвары Ивановны Грачёвой и беседуем с симпатичным товарищем брата Нарсесяном.

Младший сын Варвары Ивановны Андрей был одних лет со мной и уже учился в Коммерческом училище. Он жил в пансионе при училище и приходил домой только под праздничные дни. Мы с ним быстро подружились и все воскресные дни проводили вместе.

Когда Нева замёрзла, то с разбега скользили по льду или играли в снежки и катались на самодельных санках. А раз, в субботу вечером, пошли даже самостоятельно в русскую баню. Андрей был руководителем для меня в таких делах, как более опытный человек. Показал мне как нужно париться и бить себя веником, а в завершение, при выходе из бани, предложил выпить по стакану холодного квасу. Проделав всё это мы вернулись домой совершенно распаренные и красные как раки. Как всё это прошло благополучно для нас обоих до сих пор мне является непонятным. Это было зимой при пятнадцати градусном морозе.

По просьбе Егора Степан Павлович любезно согласился меня подготовить в первый класс реального училища. В начале занимался он со мной урывками, а затем наши занятия пошли нормальным путём.

Христофор к нашему приезду в Петербург уже стал “выходить в люди”. Он занимал должность приказчика у купца Тер-Степанова в магазине готовых дамских платьев в Гостином Дворе и жил довольно далеко от нас.

В один прекрасный день Егор отрядил меня пойти к нему, если не ошибаюсь, по финансовым делам. День был неприсутственный. Чтобы я случайно не потерялся, на моих калошах мелом пометил как адрес Христофора, так и наш. И вот с такими клеймами я направился на Гороховую улицу, где жил Христофор.

Дошёл я благополучно. Братец меня угостил на славу, но перед уходом постарался ещё раз хорошенько накормить, поэтому обратный путь у меня был с некоторыми приключениями.

Летом у меня пошла усиленная подготовка к экзаменам, и в средних числах Августа 1882 года я уже сидел на испытаниях во Втором реальном училище. Отвечал я бойко и задачу решил правильно. Как-будто всё сошло благополучно. Велели придти через три дня, чтобы узнать о результатах приёмных экзаменов.

Всё лето я провёл в семье Грачёвых в одной небольшой деревеньке, близ Ораниенбаума, вместе с Нарсесяном, и приехал в город только на экзамены, поэтому я остался эти три дня у Христофора. Егор же в это время был на Кавказе. Дело не обошлось без курьёза и некоторых слёз.

Кто-то в канцелярии училища нашёл, что моя фамилия неестественно длинная и поэтому разделил её на две половинки. При этом вторую половинку поставил на первом месте и вышло Джагян-Башин. Я же, придя в канцелярию, искал свою фамилию в списке

как полагается на букву Б, и не найдя её, проронил несколько слезинок и пришёл к Христофору с опущенной головой.

В последствии, конечно, всё выяснилось, но всю первую четверть года в первом классе в журнале я числился с фамилией шиворот-на-выворот.

Так как то учебное заведение, в которое я попал было весьма образцовым, то я в кратких чертах опишу его, ибо в дальнейшем мне не приходилось видеть ничего даже похожего со Вторым С.Петербургским реальным училищем.

Парадный подъезд с двойными остеклёнными дверьми. Открывает двери степенный швейцар в ливрее и солидной фуражке с широким галуном. Снимая головной убор, здоровается он с учеником.

Войдя в переднюю, ученик направляется направо в помещение для вешалок. Здесь установлено несколько десятков двусторонних красивых стоек с медными нумерованными вешалками и приспособлениями для калош.

Против раздевальни – большой гимнастический зал. Ученик, раздевшись, направляется по светоосвещённой лестнице вверх. Сама лестница была вся устлана красивой дорожкой, закреплённой медными полосками.

Во втором этаже по одну сторону – квартира директора училища, а по другую сторону канцелярия и физический кабинет. В третьем этаже – одна дверь ведёт в актовый зал, а другая - в пятый и шестой классы. В четвёртом этаже размещены от первого до четвёртого класса, и наконец, на пятом этаже находится седьмой дополнительный класс.

Я направляюсь по блестящему паркетному полу рекреационного зала в свой класс. По левую сторону находится комфортабельная уборная с дверью, остеклённой громадным матовым стеклом. По правую сторону расположен второй класс. Прямо передо мной к стене приставлены изящные шкафы с библиотечными книгами для младших классов, а также витрина, где во время перемены, можно приобрести письменные принадлежности.

Чистенькие парты в классе снабжены для каждого ученика закреплёнными в них чернильными приборами.

Без пяти минут девять часов раздаётся электрический звонок. Это сигнал на утреннюю молитву перед началом занятий. Все классы выстраиваются и направляются парами в актовый зал. После двух молитв пропетых ученическим хором, директор училища, солидный старец в форменном фраке, вызывает одного из учеников младших классов для прочтения молитвы “Преблагий Господи...” Так заканчивается вся эта церемония.

На одном из этих утренников я был неожиданно оскандален. Директор, вдруг, называет мою фамилию. Я страшно сконфужен и говорю, что молитвы не знаю. Дело в том, что за отсутствием в училище вообще армянского священника, “Закон Божий” я не проходил и поэтому и не знал молитвы. Меня, раба божьего, оставили после окончания уроков в классе, пока я не выучил злополучной молитвы на зубок!

Х Х
Х

Классным наставником у нас был Срезневский Вячеслав Измайлович, преподаватель русского языка. Этот, один из симпатичнейших педагогов в нашем училище, ко мне относился особенно сочувственно, с чисто отеческой заботливостью, видя во мне мальчика из малоимущей семьи. Очевидно, меня выдавали мой непрезентабельный костюм и малоупитанная физиономия. Для меня же он являлся идеалом педагога. Я его безумно полюбил и прилагал все усилия не отставать в его предмете, хотя в русском языке я ещё значительно хромал. В математике я всегда был силён, а остальные предметы тоже сходили не плохо. Что касается рисования, то я слыл отличником.

Наступили рождественские каникулы. Я был приглашён на нашу школьную ёлку в числе успевающих учеников. Это для меня была первая ёлка, но на этот праздник надо было явиться в мундире, а его у меня не было. Пришлось прибегнуть к помощи петербургских старьёвщиков – казанских татар, ежедневно выкрикивающих во дворе: “халат, халат”.

Один из них взялся за рублёвку достать для меня на прокат требуемое одеяние, и я, наряженный в мундир с чужого плеча, отплясывал вокруг ёлки польку и вальс с двумя дочерьми Срезневского.

Через несколько дней нас повели на дневной спектакль в Мариинский театр. Давали балет. Мы сидели в ложе и угощались сладостями. Я был на седьмом небе. Ничего подобного я ещё в жизни, конечно, не испытывал. Возвращался домой не чувствуя ног под собой.

Во втором классе меня поджидала болезнь, а во второй четверти того же года повышение в успехах.

Мой сосед по парте заболел и я, по просьбе его родителей, заходил к ним, чтобы сообщать о заданных уроках. Часто оставляли меня у них обедать и поиграть с сыном. Чем был болен мой товарищ Шаворновский я понятия не имел и не спрашивал. Я был рад тому, что меня угощали прекрасным домашним обедом.

Нужно сказать, что моё основное питание в это время заключалось в том, что Христофор давал мне ежедневно тридцать копеек на обед и я столовался или в кухмистерских, или же покупал две сосиски, да французскую булку и запивал свой обед чаем, сидя у себя дома.

Дело кончилось тем, что я заболел корью. Я только в последствии осознал, как родители Шаворновского поступили по отношению ко мне неблагородно, не предупредив меня об угрожающей мне опасности.

Хозяйка нашей квартиры на Гороховой улице, куда я два года тому назад так неудачно пропутешествовал по поручению Егора, была прекрасная женщина. Видя моё ужасное положение, ухаживала за мной как за родным сыном. Окно комнаты, где я лежал, занавесила красной полупрозрачной материей (оказывается так полагается при кори), кормила овсяным супом, измеряла температуру и всё, что полагается в таком случае, а когда мне стало лучше и я поднялся с кровати, приглашала к себе пить кофе и познакомила меня со своей взрослой и очень симпатичной дочерью. Она чудно играла

на рояле и я с наслаждением слушал ещё мне неизвестные, но приятные мотивы. Такого сердечного отношения, признаться, я не ожидал от сухопарой, с виду мало располагающей к себе немки. Я вечно остаюсь ей признательным.

Через небольшой промежуток времени после болезни я стал хорошо успевать по всем предметам и по русскому языку даже получил пять с минусом. Таким образом я попал в число первых учеников по успеваемости и моя фамилия уже красовалась на золотой доске (фамилии лучших учеников вывешивались над кафедрой учителя в золотой раме).

Как-то проходя мимо Малого театра на Фонтанке я увидел аншлаг, где сообщалось, что в воскресенье утром идёт пьеса “Христофор Колумб или открытие Америки”, а я как раз читал книгу о Христофоре Колумбе. В кармане у меня были деньги, оставшиеся от экономии в обедах. Купил билет на галёрку за двадцать копеек, и в ближайшее воскресенье отправился в театр. Но беда в том, что галёрка оказалась боковой, около самой сцены, в четвёртом ярусе, да ещё во втором ряду. Как я не тянулся мне видна была только половина сцены, а артисты – в проекции. Тем не менее мне пьеса очень понравилась и я решил в следующее воскресенье опять пойти в театр, но взять билет на галёрку по другую сторону сцены. Что я и сделал.

Третий класс был чреват для меня некоторыми неприятностями. Закона Божьего, как я говорил, не слушал, но из класса меня не выпускали. Как-то раз мне вздумалось во время этого урока завтракать, спрятавшись за голову впереди меня сидящего ученика. Батюшка это заметил и хотел сделать замечание. Как раз в это время зашёл в класс наш директор. Узнав в чём дело, немедленно меня удалил из класса и прямо направил в карцер, а он был расположен как раз визави с классом. Я очутился в маленькой светлой комнатке с матовым окном, табуреткой и столиком. За мной защёлкнул замок педеля. Хотя мне пришлось просидеть только около получаса в этой конуре, но я был оскорблён до глубины души и не мог никак успокоиться. Плакать я не плакал, но перенёс сильное нервное потрясение. За поведение в этой четверти поставили мне четыре, вместо пяти. Вторая неприятность приключилась со мной месяца через полтора после этого происшествия.

В этом было виновато моё искусство в рисовании. У нас был один надзиратель, который следил за поведением учеников во время перемены, страшный урод. Его звали каракатицей. Я нарисовал на него карикатуру, и каким-то образом этот рисунок попал к нему. Он сразу догадался чьих рук это дело и во время перемены подозвал меня к себе, затем отвёл в сторону, показал карикатуру и сейчас же со злостью изорвал её на клочки, свирепо погрозив мне пальцем. Но начальству всё таки он не донёс.

Зато учитель рисования Винцман меня пророчил в художники. Мои рисунки, в особенности домашние работы, всегда были под стеклом в рисовальном классе.

Христофор к тому времени был уже не приказчиком, а заведующим отделением магазина Тер-Степанова на верхней галерее Гостиного Двора, выходящей к Невскому проспекту. А Егор ещё в 1883 году покинул Петербург и работал в Тифлисе. Я всецело находился на иждивении Христофора. Училище же меня освободило от взносов за правоучение, как сироту.

Х Х
 Х

После окончания переходных экзаменов с третьего в четвёртый класс, Христофор решил отправить меня на лето на Минеральные Воды к брату Ваню, где он должен был работать в одной из местных фотографий. Но вышло так, что после моего выезда, в тот же день Христофор получает письмо от брата, в котором он сообщает из Тифлиса о своей неудаче с поездкой в Пятигорск и просит не отправлять меня туда. Христофор, понятно, растерялся и не знал что делать, пока один из железнодорожных служащих не посоветовал ему обратиться к жандармскому полковнику на Николаевском вокзале за помощью.

Действительно, через жандармскую полицию я был задержан на станции Рязань как беглец... Но потом показали мне телеграммы Христофора, из которой я узнал в чём дело.

После некоторых мытарств и приключений я вернулся обратно в Петербург и злополучное лето провёл в Лесном на даче, в семье Грачёвых, в обществе моего приятеля Андрея.

В четвёртом классе у меня занятия шли нормально и никаких экстраординарных происшествий не было, если не считать двух досадных случаев во время моих физкультурных упражнений.

На уроке гимнастики в училище, при прыгании с трамплина, нога как-то подвернулась и я почувствовал сильную боль, но не обратил на это особого внимания и досидел в классе до окончания всех занятий. В этот день, как раз я получил от администрации училища подарок – фуражку форменную и ученический костюм. И вот, нагруженный ранцем и подарком с больной ногой я еле доплёлся до дому, а расстояние было не менее одного километра. Пришлось пролежать дома более недели. Меня навестил мой классный наставник Вячеслав Измайлович. Он сделал мне дружеское замечание, узнав причину моего непосещения уроков. Надо было мне заявить о случившемся и меня бы привезли на извозчике домой. Но нужно сказать, что не в моём характере было и остаётся до сих пор (если есть на это возможность), утруждать кого-либо своей просьбой.

Второй неприятный случай произошёл во время игры в лапту в дворе дома одного из моих товарищей. Когда я подбрасывал мяч, мой партнёр размахнулся так неудачно лопаткой, что угодил мне прямо в руку. Рука к вечеру страшно опухла и поднялась температура. Пришлось несколько дней посидеть дома. После этого я больше никогда не играл в лапту.

Х Х
 Х

В воскресные и праздничные дни я посещал музеи, картинные галереи и другие достопримечательности столицы. Был несколько раз в Эрмитаже, где собраны лучшие произведения искусства со всех стран мира, а также предметы материальной культуры

различных народов. Посещал картинную галерею Академии художеств, кунсткамеру Академии наук, морской музей Адмиралтейства и прочее. Один раз даже поднялся на самую верхушку Исакиевского собора вместе с другими посетителями. Отсюда весь Питер как на ладони, а в бинокль виден далёкий Кронштадт.

Временами приглашала меня на званые обеды семья Тер-Степановых, от которых я, конечно, никогда не отказывался, так как это были настоящие луккуловские пиршества. Иногда бывал на спектаклях Александрийского театра, так как в 1885 году мы жили в двух шагах от него и возвращаться домой поздно вечером мне было не страшно. На рождественских и пасхальных праздниках, зато, я был постоянным посетителем народных гуляний на Марсовом поле, где в балаганах (деревянных театрах) давались различные эффектные феерии.

Но больше всего на меня произвели впечатление гастроли артиста Петроса Адамьяна в 1884 году, когда он выступал в Петербурге в ролях Гамлета и Коррада. На эти спектакли повёл меня Христофор ещё пятнадцатилетним юношей. Не говоря уже о гениальных трагедиях “Гамлет” и “Семья преступника”, меня очаровала игра этого великого трагика своей реальностью и изяществом. Вспоминание об этих спектаклях до сих пор не изгладилось из моей памяти.

X X
X

Преподавание в нашем реальном училище, по большинству предметов, велось таким образом, что для подготовки уроков дома тратилось полтора-два часа максимум в день. Все объяснения, чертежи и рисунки заносились в специальную тетрадь вкратце и схематически, так что дома взглянув туда и имея перед собой учебник, всё быстро усваивалось.

В четвёртом классе единственным развлечением для нас служили уроки французского языка, которые вёл мусьё Мабиль. Это был тип, напоминавший старинных французских гувернёров в России. В неделю раз он назначал так называемые “уроки французского разговора”. На этих уроках одному из учеников поручалось, если неожиданно кто-нибудь из начальства заглянет в класс, начать переводить такой-то параграф из учебника. Сам же мусьё, здоровенный детина с обрюзгшим лицом и слегка прихрамывающий, начинал рассказывать на чистейшем русском языке о своих доблестных подвигах во время франко-прусской войны 1870 года, когда ему подстрелили правую ногу “паршивые пруссаки”. При этом он невероятно жестикулировал и бегал по всему классу.

Но раз случилось так, что к нам заглянул директор во время такого сеанса, и не удовлетворившись переводом ученика, пальцем ткнул в классный журнал на первого по списку ученика, чтобы вызвали отвечать урок. Таковым являлся я. Нужно сказать, что мусьё Мабиль моей фамилии никак не мог произнести, и поэтому всегда называл меня по имени: мусьё Серж. Мабиль запыхтел, покраснел до ушей и начал: Мусьё Ба-шн-чин-чун-чан... Чёрт побери! Ну, мусьё Серж, иди сюда!” К моему и его счастью через две

минуты раздался звонок. Это был, если я не ошибаюсь, его последний сеанс, так как вскоре заменил его другой преподаватель.

Х Х
 Х

Переход в пятый класс прошёл благополучно, но этот класс оказался для меня роковым. Прощаясь с четвёртым классом я простился и со своим дорогим Вячеславом Измайловичем, так как в дальнейшем классным наставником был другой преподаватель.

Мне минуло шестнадцать лет. С возрастом менялись характер и вкусы. Я стал увлекаться театром и танцами. Стал посещать комические оперы и часто бывал на вечеринках у товарища по классу Шмидта. Здесь по субботам собирались подруги сестры Шмидта гимназистки и шли бесконечные танцы, а танцы всегда были для меня самым любимым спортом. Что касается лёгкого театрального жанра, то Шмидт ещё более меня увлекался им и наизусть знал многие арии из тогда самых модных опер, как “Цыганский барон”, “Маскотта”, “Нищий студент” и др. Мы часто распевали их вместе целыми часами. Всё это вместе взятое, конечно меня отвлекало от школьных занятий и успехи в предметах снижались.

Особенно не везло мне с преподавателем немецкого языка полупомешанным стариком Кизерицким. До пятого класса с немецким языком всё шло хорошо, хотя преподаватели и менялись, но Кизерицкий, почему-то, меня не влюбил. Стал вызывать очень часто и в момент, когда я менее всего ожидал этого. Как говорят, ловил меня, и с большим наслаждением и злостью вlepлял мне двойки, а то и единицы. Дело кончилось тем, что при переходе в шестой класс мне дана была переэкзаменовка по его предмету. Я стал безумно ненавидеть не немецкий язык, а самого наглеца Кизерицкого, который без стеснения орал на своих учеников и вёл себя не как педагог, а как унтер Пришибеев.... Про него ученики даже сложили стишки, которые начинались так: “Кизерицкий, наш учитель, наш великий человек, закричит, как повелитель....” и кончались так: “Сообщение прервано, сообщения нет у Вас! Как он крикнет гневно, замирает сердце у нас”.

Х Х
 Х

Летом 1887 года я направился в Пятигорск, где мой брат Ваню со своим товарищем по профессии Павлом Мирабовичем Кикиани открыл на летний сезон фотографию. Тут я второй раз имел удовольствие видеть игру Петроса Адамьяна, который давал в местном курзানে два спектакля, в одном из которых я фигурировал на сцене в качестве статиста. Меня познакомил с ним брат, когда он приходил сниматься в нескольких своих ролях. В этот раз я был восхищён его бесподобной игрой в “Разбойниках” Шиллера. В этой пьесе Адамьян выступал в двух ролях: Франца и Карла Моор. Обе роли он провёл восхитительно.

В жизни он был джентльмен; человек невысокого роста, изящной фигуры, тёмный шатен с красивыми тонкими чертами выразительного лица, бритый, с небольшими усами, концы которых слегка были загнуты вверх. Одевался просто, но со вкусом. Носил невысокий цилиндр, ему очень шедший. Умные красивые глаза и приятный тембр голоса восполняли всё его артистическое существо. Он был создан для сцены и сцена могла гордиться им.

К концу лета Ваню уехал в Новочеркасск для найма помещения и оборудования фотографии, так как заранее было решено обоими компаньонами окончательно обосноваться в этом городе.

Это навело меня на мысль покинуть Петербург и реальное училище вместе с ненавистным мне Кизерицким и перевестись в Донское реальное училище. Об этом сообщил я Христофору и вслед за тем выехал в Новочеркасск.

4. ПЕРЕКОЧЁВКА НА ДОН

В Новочеркасске я попал в совершенно другую обстановку. Здесь я был обеспечен домашними обедами, бывал вместе с братом в знакомых семьях и чувствовал, что нахожусь у себя дома и окружён заботой близких.

Что касается Новочеркасского реального училища, то после столичного учебного заведения, внешнее оформление этой школы мне показалось просто конюшней, и я чуть не всплакнул от досады. Но постепенно стал привыкать к новому своему положению и окружавшей меня среде.

Товарищи оказались славными ребятами и с двумя-тремя я близко подружился. Преподаватели были среднего калибра и некоторые из них имели специальные прозвища. Так, например, учителя французского языка звали “блоха”, немецкого языка – “гусь”, начертательной геометрии – “закхей”, инспектора, с ростом великана, с окладистой рыжей бородой – “жеж”ом, так как он к каждому слову прибавлял приставку “же-же”: А, жеж, я-жеж, Вам-жеж, говорил-жеж и так далее.

В Петербурге – громадном городе, следить за поведением учеников вне училища было трудно, здесь-же в Новочеркасске, с населением не более сорока-пятидесяти тысяч человек, слежка была очень тщательная. В театр без разрешения, даже в праздничные дни, нельзя было ходить. Выходить из дома после девяти часов вечера запрещалось и т.д.

Один из моих друзей – Сахновский, сын антрепренёра местного драматического театра, часто приглашал меня на спектакли, и мы, без разрешения нашего начальства, ходили за кулисы, а если была свободна так называемая “царская ложа” (ложа местного казачьего атамана), то скрывались там от взоров наших училищных надзирателей. Но, иногда, попадались и нам влетало за это.

Оригинальна была наша ученическая форма одежды. Она была военная, чисто казачьего покроя, но без погон; фуражка с жёлтыми кантами и красным околышем, тёмно синий чекмень (род сюртука без пуговиц, застёжка крючками) с светло синей подкладкой

и стоячим воротником, обшитым золотым галуном, брюки с красными лампасами И, наконец, серое пальто офицерского покроя с красными петлицами на воротнике. В других городах нас рассматривали как диковин, видя на мальчиках генеральские лампасы. Зато перед девицами мы расхаживали гоголями в своих изумительных костюмах.

В соответствии с формой и режим у нас был военный. Перед генералами должны были стать во фронт, а вместо обыкновенной гимнастики у нас был военный строй и маршировка. Недоставало только ружей и поля сражения!

X X
X

Фотография “Кикиани и Башинджагян” стала самой модной в городе. Помещалась она на Платовском проспекте и у подъезда красовалась витрина с прекрасными снимками.

Снималась там вся знать Новочеркаска, начиная с артистов, генералов, высшего чиновничества и кончая самим Наказным атаманом войска донского. Но временами приходили и простые казаки. Они снимались по три человека во весь рост: один сидит, а двое стоят по обе стороны. Лица получались с булавочную головку. Поэтому Павел Мерабович часто путал и выдавал не те снимки, которые следовало. Однажды, когда он уверял заказчика, что это их карточка, тот резонно заявил, что он снимался с “ухваткой” с товарищами, а её на карточке нет. Ухваткой казаки называют завиток волос, падающий на лоб.

Я с Павлом Мерабовичем дружил и часто выходили вместе на прогулку по Александровскому саду.

Раз, как-то, мы шли по аллее сада и я заметил вдали инспектора Петерсона (по прозвищу “жеж”). Я повернулся и дал дерока, (в этот день я был оставлен без обеда до шести часов вчера за то, что накануне был в театре без разрешения, но ушёл раньше срока). Бедный Павел Мерабович, не зная в чём дело, тоже во всю прыть пустился за мной, крича во всё горло: Серго! Серго! На удивление гуляющей публики.

Кроме танцев и театра я увлекался физикой и химией. Так, купив элемент Лекланшэ, провода, электрический звонок и прочее, снабдил нашу фотографию приятным электрическим звонком. А в один из воскресных дней мы решили с Павлом Мирабовичем пойти в театр на пьесу Островского “Светит, да не греет”, причём Павел Мирабович не мирился с таким названием пьесы и говорил : мы идём на “Солнце светит, но не греет”... Для этого нужно было пойти к инспектору нашего училища за разрешением для меня. Была зима и гололедица. Под вечер мы с Павлом Мирабовичем направились к Петерсону. Один я не решился идти, боясь, что он может мне отказать. Мы взялись за руки и осторожными шагами двинулись в путь. Уже подходили к подъезду инспектора, как вдруг, выскочила откуда-то собака и прямо бросилась на моего спутника. Павел Мирабович шархнул в сторону, подскользнулся и упал на спину. Поднимаясь и обтирая себя от снега , он довольно веско ругнул нашего “же-жа” за его “идиотские” правила о разрешениях.

Благополучно вернувшись обратно, после чаепития, мне вздумалось немного заняться моей химией, так как до театра оставалось ещё около двух часов. Кислород был добыт очень быстро, и стал демонстрировать я сжигание различных химических элементов в нём. Очередь дошла до мышьяка и мы с нетерпением ждали солнечного блеска этого элемента.

Я ввёл в опрокинутый вверх дном цилиндр, наполненный кислородом, зажжённый кусочек мышьяка, который быстро искрами стал рассыпаться. Несколько искр попало мне на руку. Начала кожа гореть. Я бросился к воде но она не помогла. Тогда я обмотал руку тряпками. С обожжённой рукой, вместе с Ваню, направился к ближайшей аптеке, но провизор посоветовал сначала обратиться к врачу и узнать, нет ли заражения крови. Мы так и сделали. Пришлось возиться с рукой недели две.

Таким образом, в тот злополучный вечер, вместо спектакля “Светит, но не греет”, я глушил пожар на своей руке и смотрел с горестью на свою искалеченную кисть руки.

X X
X

Преподавание в школе велось довольно халатно. Предварительные объяснения задаваемых уроков выполнялись не всеми учителями. Никто ничего не записывал, да и сами учащиеся не требовали этого. Получалось так что преподаватели сами по себе и ученики сами по себе. Преподаватель геометрии Родионов, человек с двойными очками и довольно смешной на вид, давая объяснения или доказывая теоремы не мог произнести слова “соответственный”, так часто повторяемого в его предмете, а говорил “соосвесенный”. Мы его так и прозвали.

Но самым оригинальным у нас был Болотов – “гусь”, преподававший немецкий язык. Этот плотный и упитанный человек лет под шестьдесят ходил очень медленно вразвалочку, покачивая голову влево и направо, поэтому прозвище дано было ему весьма удачно. Учились у него плохо и часто подстраивали ему всякие пакости. Ученики вечно вступали с ним в пререкания, и часто урок у него этим и заканчивался. Злые языки говорили, что письменные работы во время переходных экзаменов он дома исправлял насколько было возможно и подчёркивал лишь часть ошибок, боясь оскандалиться перед педагогическим советом.

X X
X

Павел Мирабович не любил бывать в гостях, но я с братом вместе часто посещали знакомые семьи, где вечера заканчивались разными играми и танцами. В последних Ваню от меня не отставал. Он считался завидным женихом в нашем кругу, а я его партнёром, но ещё не подготовленным. Из всех знакомых больше всего меня привлекала семья Калмыковых, дочь которых Дуня ко мне была не равнодушна, и она сама мне очень нравилась.

Весной 1890 года мы получили из Тифлиса письмо от Егора, в котором он сообщал, что в начале лета предстоит его свадьба с дочерью Катаянца – Ашхен, с которой мы были знакомы, а Егор ухаживал за ней уже несколько лет.

По окончании экзаменов, в первых числах июня, я направился в Тифлис. До Владикавказа по железной дороге путь был удачен, но по Военно-Грузинской дороге пришлось ехать с одним знакомым на тройке под палящими лучами летнего солнца с большими неудобствами, и приехал я в Тифлис опухший и весь загорелый, как чёрт. Егор сразу меня даже не узнал.

На другой день должно было состояться венчание. По старой привычке, остановился у тёти Мака, заменившей мне мать после её смерти. В следующее утро, когда я собрался встать, чтобы пойти на венчание Егора, почувствовал ужасную тяжесть в голове и головокружение. С большим трудом я поднялся и не позавтракав, так как никакого аппетита не было, как пьяный направился в Могнинскую церковь, где должна была совершаться церемония бракосочетания в двенадцать часов утра, так как в тот же день молодая чета предполагала выехать на Минеральные воды в своё свадебное путешествие.

После обеда молодые “выехали”, а я принуждён был остаться в Тифлисе, чтобы придти в себя и посоветоваться в врачами. Пришлось, всё-таки, несколько дней посидеть в городе и подлечиться. В средних числах июня я уже гостил у наших молодожёнов в Эссентуках, а затем двинулся дальше к себе в Новочеркасск. Эссентукское пребывание, однако, не обошлось без последствий для меня. За несколько дней я успел захватить местную лихорадку и с таковой выехал домой. Почти всю осень делали мне хинные уколы и лечили гальваническим током мою селезёнку.

В конце осени должна была состояться и свадьба Ваню, который успел подобрать себе невесту в одной из семей, так ревностно посещаемых в течении двух лет нами. Евгения Степановна Черчепова оказалась его избранницей.

Так как в Новочеркасске не было армянской церкви, и кроме того, большинство родственников невесты жило в Ростове и Нахичевани-на-Дону, то свадьба должна была состояться в Ростове и, при этом, по приглашению одного из богатых дядей Евгении, в его собственном доме.

На эту свадьбу я поехал со своим товарищем по училищу Пантелеевым, хорошим танцором и прекрасным кавалером. Впоследствии он пошёл по театральной линии и был актёром, хотя и второстепенным, на императорской сцене в Петербурге.

Венчание состоялось в Нахичевани, а свадебный бал в Ростове. Мы оба были шаферами новобрачных и на свадьбе веселились напропалую. Особенно невоздержанно вёл себя Пантелеев, бесконечно прикладываясь то к винам, то к ликёрам.

В этот вечер моя симпатия Дуня Калмыкова, которая была в числе гостей вместе с матерью, мне тайком передала кольцо с сердоликовым камнем в знак нашей взаимной дружбы, но я со своей стороны ничем не мог отплатить ей, так как совершенно не ожидал такого сюрприза.

Танцы и веселье продолжалось до глубокой ночи, а затем вместе с новобрачными в два часа ночи мы все новочеркасские поехали на вокзал провожать молодую чету в

Москву, куда они направляли свой путь. До Новочеркаска мы все были в одном вагоне, отсутствовал только Пантелеев, который до того напился, что очутился на площадке соседнего вагона и всё пытался выброситься с поезда, твердя без конца: “Серёжа, выбрось меня!” Пришлось мне всю остальную дорогу караулить его.

Х Х
 Х

Пошёл последний учебный год. Ваню и Евгения давно уже возвратились из Москвы. Началась новая семейная жизнь. Фотография теперь помещалась на том же Платовском проспекте, но в более вместительной и комфортабельной квартире. Мы с Павлом Мерабовичем поместились в одной небольшой комнате. Остальные комнаты и зал были заняты фотографией и молодой четой. Теперь, не только мы бывали в гостях, но и у нас устраивались вечеринки.

Училищные дела шли удовлетворительно, мы, как выпускники, пользовались некоторыми льготами, так, например, ранцы на надевали на спину, а носили под мышкой, могли гулять дольше в городском саду и так далее. Мои рисовальные способности уже давно были известны в училище, хотя в старших классах рисование и не преподавалось. Карикатуры на учителей и служащих училища ходили по рукам с моими рисунками и набросками с натуры многие были хорошо знакомы.

В начале весны Егор, проездом в Петербург на сезон ежегодных выставок со своими несколькими картинами, остановился на неделю в Новочеркасске погостить у нас. Воспользовавшись таким случаем, Ваню предложил устроить в местном клубе маленькую выставку. Егор согласился. Через два дня на уроке естественной истории наш одноногий преподаватель Виноградов у которого постоянно был вид “человека только что с похмелья”, обратился ко мне:

- “Слушайте, Башинджагян, я знаю, что Вы хорошо рисуете, но не знал, что у Вас целые картины. Я сейчас был на Вашей выставке.
- Нет, это картины моего брата – возразил я.
- Да что Вы брешете! Я спрашивал Вашего брата-фотографа, он говорит, что это не его, а Ваши!

Пришлось растолковать ему, что у меня есть ещё третий брат – настоящий художник.

Х Х
 Х

Павел Мерабович в последнее время стал часто посещать пивомедоваренный завод Поллера и увлекался имевшимся там кегельбаном, причём на его наречии завод назывался “Пиво-недоваренным”. Игра заканчивалась запиванием холодного пива и, кажется, ухаживанием за одной служащей там немкой. Этот спорт закончился для него очень печально. Простудился он, как то, и настолько сильно, что слёг в постель, стал кашлять, а потом открылась и кровохарканье. Когда немного оправился, он решил

выехать к себе на родину в Мингрелию, и ему больше не суждено было вернуться обратно....

В 1890 году я тоже проболел некоторое время, но к весне сумел нагнать своих товарищей в предметах, сдал в мае последние экзамены, и в середине августа 1891 года выехал в Петербург для поступления в высшее учебное заведение.

5. СНОВА В ПЕТЕРБУРГЕ

К моему приезду в Петербург Христофор был уже владельцем собственного магазина и жил на Караванной улице, близ Гостиного Двора, занимая большой зал с хорошей обстановкой у одной француженки, которая отпускала и обеды. Я остановился, конечно, у него и первым долгом отправился в Академию художеств со своим прошением о допущении меня к приёмным испытаниям. Но оказалось, что я слишком опоздал, приём заявлений был уже прекращён.

Тогда я бросился в институт гражданских инженеров, откуда выпускались архитекторы. Но и тут постигла меня неудача. Среди документов требовалось свидетельство от освобождении меня от податного мещанского сословия, а таковая бумага мной ещё не была получена из Сигнаха.

Положение моё было незавидное. Мне нужна была какая-либо протекция, чтобы без проклятого Сигнахского свидетельства, хотя бы условно, допустили к приёмным экзаменам. Если бы я не попал в какое-либо высшее учебное заведение, вынужден был бы уехать из Петербурга, так как безработным было запрещено жить в столице.

Какой-то добрый человек посоветовал обратиться за содействием к бывшему тогда министром народного просвещения графу Делянову, проживающему в доме армянской церкви. Я с трепетом в сердце явился в приёмный день на квартиру этого высокопоставленного лица.... Посетителей в приёмной комнате графа, сравнительно было немного. Настала моя очередь. Войдя в кабинет министра я увидел судящего за письменным столом глубокого старика с огромной лысой головой, довольно плотно сложенного, с профилем восточного типа. Подав моё заявление, в котором была изложена вся суть дела, я ни жив, ни мёртв стал ожидать ответа, от которого зависела моя судьба. Я просил разрешения держать экзамены в Лесной институт, где они ещё не были начаты.

Старец сначала внимательно прочитал моё заявление, потом осмотрел меня с ног до головы (я был ещё в лампасах) и спокойным тоном заговорил: - Видите ли, молодой человек, в чём дело. Я министр народного просвещения, а Лесной институт находится в ведении Лесного министерства. Впрочем напишу записочку директору института, может быть это Вам поможет!

Тут же набросал несколько строчек, вложил в конверт и преподнёс мне. Я, уходя от него, ног не чувствовал под собой от радости. Всё дело наладилось, допустили к экзаменам и я попал в Лесной институт.

Форменная фуражка была очень быстро куплена и надев её я был на седьмом небе. Мне казалось, что идя по Невскому, все на меня смотрят и заглядываются. Стать студентом – это было первое моё большое счастье...

Х Х
 Х

Первого сентября начались занятия в институте. Посещать лекции было сопряжено с большой потерей времени, поездка в Лесной и обратно отнимала более двух часов и была утомительна. Я решил поселиться в Лесной в одной из дач, где жила большая группа студентов, не попавших в интернат института. Дом отапливался.

С наслаждением слушал лекции известных профессоров Бородина и Холодковского и аккуратно выполнял все практические занятия... Одно неудобство и большой минус заключался в том, что в местной столовой очень плохо кормили.

Тут жили и несколько кавказцев, в чисел их и один шушинец – Голобеков. Во время приёмных экзаменов я пришёл ему на помощь, передав ему мой черновик заданной нам темы сочинения “Почитай старину”. Я знал, что он был в русском языке очень слаб. Это был очень скромный парень из бедной армянской семьи.

Приблизительно через месяц после моего переезда на “дачу” Голобеков заболел. Его поместили в институтский лазарет, но затем перевезли его в город, так как у него оказался брюшной тиф, а затем пошли осложнения. Так он больше с постели и не встал. Этот случай так на меня подействовал, что я немедленно покинул Лесной и стал жить у Христофора.

Х Х
 Х

Началось манкирование занятиями по различным причинам: то невозможная погода, то нездоровье.... мысли были заняты театром, студенческими вечерами, визитами в новые знакомые семьи... лекции отошли на второй план.

К тому времени относится моё первое знакомство с семьёй петербургских Ходжаевых. Христофор не был ещё женат, но готовился к узам Гименя. Почти каждый воскресный день мы с ним были непременно гостями этой симпатичной семьи. У них гостила племянница Елена Борисовна, девица лет двадцати трёх – двадцати пяти, довольно симпатичная, но не отличавшаяся особой красотой. Христофору она нравилась и она, казалось, относилась к нему равнодушно. Мы часто бывали всей семьёй вместе в театре, а раз, даже, после театра Христофор повёл нас ужинать в известный в Петербурге ресторан Палкина. В этой семье особенно симпатична была жена Ходжаева Магдалина Лазаревна, красивая женщина и очаровательная хозяйка.

При моём пребывании в Петербурге у Христофора дальше ухаживания за племянницей дело не шло. На зимние каникулы я решил навестить моего бывшего репетитора и друга Егора Степана Павловича Нерсисяна, ныне проживающего в Выборге. Он состоял преподавателем местного реального училища, был уже женат на

дочери Варвары Ивановны Грачёвой Елене и имел двух детей. От него несколько раз Христофор получал письма с просьбой их навестить.

Брат с пустыми руками меня не хотел отпустить и снабдил полудюжиной бутылок отборного кахетинского вина. С таким приятным грузом я направился на вокзал Финляндской железной дороги.

Когда я подъехал к вокзалу уже был дан второй звонок и касса была закрыта, но носильщик меня успокоил, что билет я могу купить в самом вагоне по номинальной цене. Я отнёсся к этому заявлению с некоторым сомнением, но направился на перрон и вскочил в первый попавшийся вагон, слегка стукнув свой ценный багаж обо что-то. Заняв место, я заметил маленькую струйку, тёкшую около моих ног. Я сообразил, в чём дело, схватил свой узелок и вынес на площадку вагона, а когда тронулся поезд, разбитую бутылку пустил в необъятное пространство, а сам пересел в другой вагон. Носильщик оказался прав. При проверке билетов я сообщил контролёру о своей безбилетности и он спокойно выписал билет до Выборга, не взыскав с меня никакого штрафа.

Это было первое моё удивление в этом путешествии. На пограничной станции с Финляндией – Белоостров, контролёр спрашивал пассажиров нет ли у них спиртных напитков? Оказывается, мой груз, просто напросто “контрабанда”. Я промолчал, но что бы было если я остался бы в том вагоне, где тёк ручеек вина? Тут я уже испытал некоторую неловкость своего положения. В дальнейшем на одной из станций, где была более продолжительная остановка, пассажиры пошли закусывать. Я проследовал за ними. На столе были разложены всевозможные блюда с кушаньями с указанием их стоимости. Каждый садился к любимому блюду, ел и, затем тут же выкладывал стоимость съеденного им кушанья. Кругом ни одного кельнера не было. Я проделал тоже самое, и таким образом, к первому моему удивлению прибавилось ещё второе, более разительное...

Ровно через шесть часов я был в Выборге. Было около десяти часов вечера. Проходя через вокзал, я остановился около буфета чтобы перекусить, и таким образом, не беспокоить семью Нерсесян с моей кормёжкой. Съел несколько бутербродов и затем обратился к одному из стоявших за буфетом прислуживающих сказать сколько я должен уплатить за съеденное?

- А Вы что nibудь пили? – Получил я в ответ
- Если бы я пил, то сказал бы Вам об этом! – Несколько раздражённым тоном ответил я.
- Вы не сердитесь, гражданин, вежливо заявил он. Видите ли у нас бутерброды с выпивкой стоят дороже, чем без таковой!

Это уж было моё третье удивление и самое поразительное. Так велась в те времена борьба с алкоголизмом в Финляндии.

Теперь я почувствовал, что попал в совершенно иной мир.

Х Х
Х

Семью Нерсесян я застал за пасьянсом. Дети уже спали...

На другой день мы отправились на каток. Нужно сказать, что Степан Павлович был большим спортсменом, не только в плавании (он меня научил плавать ещё в ученические годы, когда готовил в реальное училище), но и на коньках. Поэтому я захватил с собой коньки Христофора, на которых он никогда не катался, чтобы научиться у него этому искусству.

Опыт оказался, однако, весьма неудачным, хотя Степан Павлович предварительно прочёл мне целую лекцию в отношении того, какие манипуляции надо проделать всем телом и ногами, чтобы не упасть. С первого же раза я грохнулся, и настолько сильно, что сидя на льду, стал развязывать свой коньки, несмотря на успокоительные уговоры моего учителя, чтобы ещё раз попробовать сделать более смелые шаги и сильнее балансировать руками.

Но удивительнее всего то, что вернувшись обратно в Петербург, первым делом пошёл на ближайший каток и при помощи специальных деревянных кресел, имевшихся там, всё-таки научился кататься в течение трёх-четырёх дней.

Я пробыл в Выборге несколько дней, причём мои милые хозяева старались доставить мне побольше удовольствия. Водили в гости к своим близким знакомым, приглашали их к себе, устраивали танцы, катания на санях и пр. Познакомили меня даже с одной бледнолицой, но интересной учительницей, за которой ухаживали все молодые педагоги реального училища. Победа, очевидно, осталась за мной, так как она проводила меня на вокзал и очень нежно простилась, долго кивая своим платочком вслед уходящему поезду.

Вообще моя особа привлекала внимание даже финских военных. Фуражка с зелёным околышем и значком, поперечные зелёные погоны с двумя серебряными нашивками вероятно принимались за форму иностранного офицера и солдаты мне козыряли. Я из вежливости принуждён был им отвечать.

Х Х
Х

В зимнем сезоне в Петербурге начинались студенческие вечера-балы. Я был непременно участником армянских вечеров и играл активную роль в их устройстве. Всё это отнимало много времени и посещение института становилось всё более и более нерегулярным.

В эти годы на сцене Мариинского оперного театра впервые выступал известный драматический тенор Шахламян в опере “Джиаконда”, но не вполне удачно. Насколько голос у него оказался сильным, настолько игра его была слаба. Он удержался на императорской сцене недолго. В тоже время оканчивал консерваторию выдающийся армянский скрипач Налбандян, впоследствии преподаватель той же консерватории. Оба эти артиста принимали участие на армянском вечере.

К весне 1892 года, в великом посту, в столице гастролировали всемирно известные певцы Мазини и Батистини, но попасть на итальянскую оперу было очень трудно и билеты стоили чрезвычайно дорого. Студенты всё-таки ухитрились одним билетом посещать втроём и больше. Каждый из них слушал по одному действию оперы.

Не забыл я и своего Второго реального училища на Владимирской улице. Отправился туда на годичный акт выпускников училища, на котором всегда присутствовали и бывшие питомцы этого образцового учебного заведения. Больше всего меня обрадовала там встреча с бывшим моим классным наставником Вячеславом Измайловичем Серезневским. Он был таким же жизнерадостным как и пять лет тому назад.

1893 год для Христофора был годом расцвета его жизненных и духовных сил. Он был уже достаточно начитан, вращался среди интеллигенции, занимался общественными делами и его коммерческие дела шли тоже удовлетворительно, и я был все эти годы всецело на его попечении. Немало из малоимущих студентов пользовались его помощью в денежном отношении, но возвращать долг большинство оттягивало или совсем забывало. Я помню когда его коммерческие дела пошатнулись и он приехал в Баку в надежде получить от уже разбогатевших или получавших громадные оклады должников свои долги, то успеха никакого не имел!

Весной второго года моего пребывания в Петербурге я, как-то, серьёзно простудился, затем стал сильно кашлять и начала побаливать грудь. К лету состояние здоровья не улучшилось. Врачи советовали покинуть финские болота и продолжать учение в местах более благоприятных в климатическом отношении.

Мой жребий пал на Остзейский край. Решил перевестись в Рижский Политехнический институт на сельскохозяйственный факультет, тем более, что карьера лесничего меня совершенно не прельщала. Предварительно нужно было мне несколько оправиться, поэтому свой путь направил сначала на юг – в Тифлис. Егор уже был на даче с семьёй в Коджорах и я на второй же день после приезда в Тифлис поехал туда.

Там я пробыл около трёх недель, кашель мой стал постепенно смягчаться и я чувствовал себя хорошо. Коджоры – это самая ближайшая дачная местность для Тифлиса. Находясь на значительной высоте с чистым горным воздухом – он привлекал к себе многих тифлисцев и поэтому все дачи бывают там переполнены.

К Ашхен приехали погостить на несколько дней её самые близкие друзья – сёстры Хосраевы и княжна Амилахвари. В этом приятном обществе мои три недели пролетели как три дня. Танцы, прогулки и экскурсии чередовались одни за другими. Только сама Ашхен не принимала участия в наших развлечениях, так как была связана тремя детьми мал-мала меньшими и двумя кормилицами. Это было летом 1893 года.

Перед поездкой в Ригу мне необходимо было явиться в Сигнахское воинское присутствие для освидетельствования, насколько я годен для военной службы. Егор, пользуясь моей поездкой в Сигнах, поручил мне передать Насидзе, бывшему когда-то нашему жильцу в селении Нукриани картину очень оригинального содержания: “В чужом глазу соломинку замечаешь, а в своём не видишь и бревна”. Она была написана для местной церкви по настоятельной просьбе Насидзе и была, если не

ошибаюсь, единственной жанровой картиной за всю художественную деятельность моего брата.

В день отъезда, выйдя ранним утром на Коджорское шоссе в ожидании дилижанса, идущего в Тифлис, я заметил на дороге что-то блестящее. Подойдя ближе – увидел маленькие дамские часы. Кругом никого не было. Мне оставалось поднять их и положить в карман. Я так и сделал. И вот с этими часиками я пустился в своё путешествие.

В Сигнахе я пробыл всего несколько дней, но перевидел всех своих близких родственников и родственниц, и даже побывал в местном клубе где пришлось с сигнахскими барышнями потанцевать европейские танцы под зурну. Причём я никак не мог отличить мотивов вальса, польки и мазурка друг от друга, до того они были монотонны и заунывны.

6. В ОСТЗЕЙСКОМ КРАЕ

Путь в Ригу был избран такой: Тифлис – Батум – Новороссийск – Двинск – Рига. Мне было интересно видеть Сурамский тоннель, Батум, поехать Чёрным морем и, вообще, познакомиться с новыми для меня районами Кавказа.

Действительно, резкий переход природы до тоннеля и после него поразителен. Как будто въезжаешь в иное царство. Сам Батум на меня особого впечатления тогда не произвёл, но Черноморское побережье показалось мне восхитительным. Но это очарование продолжалось недолго, началась качка (а я плавал морем впервые) и я вскоре очутился в общей каюте с лимоном в руках. Весь путь я лежал пластом и воскрес только в Новороссийске.

Почти после трёхдневного сухопутного путешествия по железным дорогам с бесконечными пересадками, на рассвете пятнадцатого августа я прибыл в город Ригу.

Описывать город пока не стану, потому что первым делом я пошёл искать себе постоянный приют. Стал я бродить по кривым и узким улочкам старой Риги, ища наклеенных объявлений на подъездах домов. Хотя планировка этой части города путаная, но повсюду здесь чистота безукоризненная.

После нескольких часов ходьбы и осмотра комнат, наконец нашёл себе помещение и по цене, и по незначительной отдалённости от института. Это была квартира фрау Рёски, бедной вдовы с двумя детьми, старший из которых уже учился в реальном училище. У неё квартировали, кроме меня, мальчик лет пятнадцати – тоже реалист, и один солидный комми (некто вроде управляющего магазином) по фамилии Штиир. Но так как Штиир по немецки обозначает бык, то фрау Рёски, из вежливости, величала его “Стиир”. Он владел двумя лучшими и прекрасно обставленными комнатами.

Все мы были на полном пансионе и пользовались общим столом, за исключением утреннего кофе, который пили у себя в комнате.

Мне нужна была немецкая семья, чтобы быстрее освоить немецкий разговорный язык, как как преподавание в институте велось на этом языке.

Устроившись с квартирой на следующий день я направился в Политехнический институт, чтобы зафиксировать свою явку в канцелярии. Все необходимые документы были заранее присланы.

Институт помещался в форштадте (в новой части города) на одной из лучших улиц, именуемой бульваром Наследника. Это было большое красивое трёхэтажное здание, выходящее на две улицы.

Со стороны фасада институте бульвар тянулся на километра полтора, разветвляясь в одну сторону в виде отдельных красивых скверов и цветников. Со стороны же параллельной улицы примыкал обширный Верманский парк с множеством изящных киосков и образцовым рестораном.

Представившись декану сельскохозяйственного факультета профессору Томсу, который выдал мне специальную зачётную книжку с перечислением всех предметов, подлежащих прохождению в течении восьми семестров на четырёх курсах факультета, я собрался идти домой, но в коридоре столкнулся с несколькими студентами, говорившими на моём родном языке. Познакомившись с ними я узнал, что здесь учатся двенадцать студентов армян, большинство которых бакинцы и собираются организовывать своё землячество под названием “Севан”. Я примкнул к их инициативе, и узнав их адреса, направился в свою новую квартиру.

Было время обеда. Стол был уже накрыт и хозяйка сзывала всех своих нахлебников. Первым подали яблочный суп. Мне показалось, что обед начинается с конца, но видя, что начали есть, я стал тоже хлебать свой суп, закусывая тонким куском хлеба. Второе блюдо оказалось солиднее – жареное мясо и масса варёного картофеля. Этим обедом я насытился, несмотря на то, что хлеба на столе было очень мало. Через полтора часа пригласили пить кофе с печеньями. Этим закончилось полуденное питание.

Никто из нашей компании произнести мою фамилию не мог (по имени и отчеству немцы не называют), поэтому моя фамилия семейством Рёски была сокращена до трёх букв – Баш, и меня называли Херр Баш (господин Баш). Одним словом перещеголяли администрацию Петербургского реального училища, где она злосчастная, как помнит читатель, была разделена на две части с перестановкой (Джагян-Башин).

Но максимальному искажению моя фамилия подверглась ещё в мою бытность в Новочеркасске. Было получено через почту письмо, адресованное фотографу Басадсачусяк, и почтальон вручил его моему брату.

Х Х
 Х

Занятия в институте начались первого сентября. Общее земледелие и борьба с вредителями и болезнями сельскохозяйственных культур читалась профессором Францем Шиндлером. Около половины слушателей были не немцы (русские, поляки и другие национальности). Это обстоятельство хорошо было учтено профессором и лекция велась внятным и понятным языком. Студенты могли свободно записывать всё нужное в тетрадь. Я стал одним из ревностных посетителей его предметов. Его чтения

были так увлекательны, что часто приходили слушать его студенты с других факультетов.

С приездом в Ригу жизнь моя радикально изменилась. Я стал самым аккуратным посетителем лекций и практических занятий. В свободные вечера старался посещать театр, если мои финансы это позволяли. Я получал от братьев через Христофора в месяц тридцать рублей, но мне их часто не хватало, поэтому я стал искать частные уроки. Первым моим учеником явился Ганс Шверин, тот самый реалист, который жил в нашей квартире. Нужно сказать, что преподавание здесь в средних школах велось на русском языке и большинство учеников хромало по этому предмету, и в числе их мой Ганс. За это получал пять рублей в месяц, что для меня являлось значительной подмогой.

Деньги от Христофора шли через местного купца Согоянца, с которым брат имел торговые связи. Кстати скажу, что в городе занимались коммерцией только два армянских купца – упомянутый мной Согоянец и другой – Джандарян. Магазин Согоянца именовался торговым предприятием кавказских вещей, хотя весь товар им получался с севера и изготовлялся в Петербурге. А у Джандаряна, торговавшего вином, на вывеске красовалась надпись: “Кавказские вина с гор. Арарата”, на которых, как всем известно, никаких виноградных плантаций не имеется. Иначе Ной, пожалуй, из своего ковчега не ушёл бы, чтобы спуститься в малярийную долину.

Ещё одной аномалией для Риги являлось наличие в городе лучшей булочной и кондитерской принадлежавшей турку и обслуживаемой турецкими гражданами в красных фесках. Мы давно привыкли, что лучшими булочниками и колбасниками являются немцы и такое явление показалось мне поэтому очень странным здесь, в центре, населённом гражданами немецкого происхождения.

Заговорив о кондитерских, вспомнил, как в первые дни приезда двое моих новых знакомых студентов упростили меня пойти с ними в кофейню, хотя я долго отнекивался, так как у меня никакого желания ни пить, ни есть не было. Наконец, нашёл неудобным отказываться от такого любезного приглашения и пошёл с ними. Кельнер подошёл к каждому из нас и спросил, что подать. Окончив питьё и еду, когда мы собрались уже уходить, он также учтиво подошёл к нам и сказал сколько каждый из нас должен уплатить. Для меня, кавказца, это был первый опыт “немецкого счёта”.

В дальнейшем, познакомившись с бытом немецкой семьи, я узнал многое, что для нас является необычным, а для них давно вошедшим в обиход. Например: приезжает какой-нибудь родственник или очень близкий человек в гости на несколько дней. Перед отъездом ему предъявляется счёт причитающейся с него суммы за “гостеприимство”. Или, две семьи хотят нанести друг другу визит. Они назначают местом свидания какой-либо семейный ресторан; в определённый час сходятся обе семьи там; каждая из них заказывает для себя всё нужное и устроившись по-семейному за столом, ведут приятную беседу между собою. Я как-то заболел. Пришлось пригласить врача через хозяйку квартиры. Когда я хотел расплатиться с доктором, то она предупредила меня, что этого делать нельзя. Доктор ещё раз нанесёт визит, а затем пришлёт счёт...

Одним словом в Остзейском крае столько было для меня новостей, что стал забывать все чудеса, виденные мной при поездке из Петербурга в Финляндию.

Х Х
Х

В институте было пять факультетов, но самыми “ходкими” считались: химический, механический и сельскохозяйственный, а больше всего студентов обучалось на химическом факультете. Все бакинцы нашего молодого кружка тоже числились на этом факультете.

Студенчество делилось на корпорантов (членов различных корпораций) и вильдеров (“вильд” по немецки – дикий). Приблизительно тех и других было равное число в институте. Членами корпораций являлись, главным образом, немцы и поляки, и отчасти, русские. Это были чисто национальные объединения, за исключением, разве, русской корпорации “Арктика”, в которой числилось несколько человек не русских. Эти студенческие объединения политикой совершенно не интересовались. Физкультура, пирушки, весёлое времяпрепровождение были главными их занятиями. Фехтование на рапирах (шпагах) занимало первое место и дуэли на них были очень часты. Шрамы на лицах корпорантов являлись некоторого рода гордостью их обладателей. Средневековый дух ещё витал над некоторой частью студентов.

Латышам (коренным жителям этого края), почему-то не разрешали официально иметь свои корпорации, поэтому они были в подполье в этом отношении.

У каждой корпорации были свои трёхцветные шапочки с маленьким козырьком и ленточки тех же цветов через плечо. Чтобы добиться таких украшений, студент сначала проходил курс “фукса” (по немецки – лисицы) в корпорации – в некотором роде прислуживания старшим коллегам.

Однажды, в общей аудитории, перед началом лекции по химии, ко мне подошёл какой-то студент (потом оказавшийся латышом) и заявил, что это его место. Когда я ответил, что здесь пронумерованных мест нет и остался сидеть, то он наклонился к моему уху и зло произнёс: “Я Вас вызываю на дуэль!”. Когда я от этого удовольствия отказался, то мой латыш надменно посмотрел на меня и сквозь зубы процедил: “Должно быть Вы не корпорант!” и убрался.

Отношение немцев к другим национальностям, в общем, было лояльное, исключая евреев. Квартиросодержатели, например, им комнат не сдавали. Существовал специальный еврейский квартал, вроде “гетто”.

Я лично, за четыре года пребывания в этом крае, чувствовал себя больше дома, чем, например, в Петербурге или Новочеркасске. Живя в семье фрау Рёски, а затем ещё в двух немецких семьях, кроме доброжелательного и сердечного отношения с их стороны, ничего не видел. Мне самому их аккуратность, корректность, точность, чистота и опрятность нравились больше всего. Кое-что из этих качеств, воспринятых мной там, до сих пор сохранились у меня.

Х Х
Х

Как сам город Рига, так и нравы и обычаи царившие в том крае, были своеобразны и оригинальны.

Город расположен у устья реки Западной Двины и отделяется от форштадта канавой, пересекающей весь город.

В старой части города почти все постройки в духе готического стиля с окнами на круглых склонах крыш. Имеются тут две красивые лютеранские кирхи – Домкирхе и Петрикирхе, куда я любил по воскресеньям ходить слушать мелодичную игру органа и пение молящихся. Улицы здесь вымощены призматической формы камнем с некоторым уклоном к панелям для стока вод и подметаются несколько раз в день. Грязи или снега зимою на панелях никогда не бывает. Людей в калошах осенью или зимой почти также нельзя встретить.

При встрече со знакомыми раскланиваешься не только сам, но и сопровождающий тебя товарищ. В магазинах продукты и всякие товары продаются по твёрдым ценам и торговаться не приходится, что тогда было редкостью в стране. Полное отсутствие нищих также было свойственно этому городу. Изредка можно было встретить стоящего на улице гражданина со спичками или папиросами – это нуждающийся человек. Подходившие к нему платили на копейку или две больше, чем стоил его товар.

Благодаря чистоте и опрятности, в квартире наблюдалось полное отсутствие каких-либо паразитов. Блох, клопов и проч. детям показывали только на рисунках.

Что касается точности, то как пример, приведу местный немецкий оперный театр. Спектакли там начинались в семь часов вечера и кончались в одиннадцать, так что была возможность после окончания оперы пойти в кафе и что-нибудь покушать или выпить. Если представление оканчивалось раньше одиннадцати часов, то в афишах извещалось об этом так, например: “Конец в десять часов тридцать минут” и точно в срок заканчивалась опера. Над занавесью красовались настенные часы....

Единственно, что напоминало в Риге о царской России – это присутствие городских на постах и православный собор в византийском стиле в новой части города.

Х Х
Х

Обыкновенно ужинали у фрау Рёски в восемь часов вечера. Подавали одно блюдо и запивали его чаем. Самовар всегда красовался в столовой, но никогда его не ставили. Причина – чтобы не испортился. В особо торжественные дни он стоял на столе, но кипячёную воду для него приносили из кухни. У каждого была своя салфетка и кольцо к ней.

Я часто заглядывал на свой часики, найденные мной ещё в Коджорах, и заметил, что хозяйка на меня косо поглядывает в этот момент. Раз я не выдержал и спросил её, почему она так подозрительно смотрит? Она сконфузилась сначала, а потом заявила, что ей кажется странным, почему ношу я дамские часы. Я объяснил причину.

- Ай, ай, герр Баш, мы думали, что Вы честнейший человек, а носите чужие часы! Я удивлённо посмотрел на неё.
- А что я должен был сделать? - спрашиваю я.
- Очень просто, нужно было передать часы местной полиции и владелец получил бы там!
- Никакой владелец у нас не пошёл бы туда, а если бы даже пошёл, то ничего бы не получил в полиции! – возразил я.

Хозяйка подняла удивлённо плечи, а я, просто-напросто не поверил её басне. Но в последствии один случай убедил меня, что я был не прав.

X X
X

Весной 1894 года я сдал несколько экзаменов из пройденного курса, причём предметы профессора Шиндлера – на отлично. На лето я был приглашён родителями моего ученика Ганса к ним в дачное место на взморье “Маёренгоф” в качестве репетитора. Платы я не получал, но был на их полном иждивении. Это меня очень устраивало. Бильдерниеегоф, Маёренгоф, Дубельн – это местные морские курорты, куда съезжаются не только рижане, но и приезжают туда и из Петербурга и Москвы. По вечерам в Маёренгофе играл прекрасный струнный оркестр, днём же шли морские купания и прогулки вдоль Рижского залива, изобилующего сосновыми рощами.

Мы с Гансом каждое утро принимали морские ванны, затем приходили домой завтракать и заниматься русской словесностью. Однажды, во время занятий Ганс спохватился, что у него нет часов. Очевидно он выронил в раздевальне во время утреннего купания. Но тотчас же успокоился, говоря, что после занятий он зайдёт в полицейское управление и наверное получит их.

- Черта-с-два, подумал я. Но ошибся, действительно, вернулся он с часами. Тогда вспомнил я слова фрау Рёски относительно своих часиков.

В середине лета к семье Шверина приехала погостить одна их хорошо знакомая вдова пастора со своей взрослой дочерью, по фамилии Дреус. Дочь училась в Риге в пансионе, и как все немки, хромала в русском языке.

Я предложил ей вместе с Гансом заниматься, желая ей хоть немного помочь. Она поблагодарила меня и аккуратно стала посещать наши занятия. Это тянулось недели две, одним словом, до её отъезда обратно в Ригу.

Когда я вернулся в город, как-то, мельком увидел пасторшу Дреус у фрау Рёски. На второй день ко мне заходит хозяйка и говорит:

- Герр Баш, какие у Вас намерения относительно фрейлин Дреус? Я сказал, что у меня никаких намерений абсолютно нет.
- А почему же Вы бесплатно занимались с ней в Маёренгофе?

Я удивлённо посмотрел на неё, и ничего не мог ответить.

Оказывается, мои занятия с Дреус были приняты как предпосылки к будущим узам Гименея с ней!

X X
X

В январе 1895 я получаю письмо от Евгении Степановны (жены Ваню), в котором она советует познакомиться с семьёй Зенгбуш, недавно переехавшей из Москвы в Ригу. Жена Зенгбуша, её тётя по материнской линии, и она знает о моём пребывании в Риге. В ближайшее воскресенье я нанёс им визит. Семья мне очень понравилась, в особенности сам Зенгбуш. Он служил в крупной местной пивоваренной фирме “Вальдшлесхен” старшим бухгалтером и был уроженцем Риги. Узнав, что я занимаюсь уроками, он сразу же предложил уделить несколько часов в неделю его детям, двум девочкам восьми и десяти лет, для подготовки их в младшие классы гимназии. Я согласился, но от гонорара отказался. Пошли мы на компромисс: я пользуюсь у них трапезой в дни занятий. Начались блаженные для меня дни. В неделю три раза я стал пользоваться прекрасными обедами из трёх блюд и, вдобавок, послеобеденное кофе с ликёрами.

Так продолжалось месяца два. На одном из таких обедов жена Зенгбуша заговорила о моём брате и его отношениях к её племяннице Евгении и сказала что-то очень колкое. Это меня сильно задело, но не показал виду и ушёл домой также спокойно, как всегда. Но это был мой последний обед у них. Сколько после этого ко мне не заходил сам Зенгбуш узнать, почему я прекратил свой визиты к ним, прямых объяснений я так и не дал, а ссылаясь на перегруженность своими работами. Я был страшно самолюбив. И так неожиданно прекратилось наше знакомство с моими “милыми” дальними родственниками.

Лето я провёл на Кавказе, а с осени принялся за сдачу экзаменов уже пройденных предметов. В институте специальных экзаменационных сессий не существовало. Можно было сдавать прочитанные дисциплины в течении всего года. К концу 1895 года мною уже были сданы все общеобразовательные предметы, все практические занятия и большая часть специальных дисциплин. Таким образом весенний семестр 1896 года оказался для меня сравнительно свободным.

Профессор Шиндлер, с которым я не прерывал связи, предложил мне взять тему для дипломной работы, а с осени 1896/97 учебного года и быть его ассистентом по фитопатологии. Такое предложение меня чрезвычайно польстило и обрадовало. Я немедленно принялся за свою дипломную работу “Развитие волокон льна Лифляндии, Курляндии и Эстляндии с момента их образования и до полного вызревания”. Работа была чисто ботаническая – лабораторная, поэтому я её выполнял у него же на кафедре и одновременно готовился к своим ассистентским обязанностям

X X
X

В летние месяцы я выезжал на короткий срок в Петербург к Христофору, а по возвращении обратно поселился уже на другой квартире, но без пансиона. Теперь я получал как исполняющий должность ассистента семьдесят пять рублей в месяц и имел

возможность питаться в столовых и кафе. Братьев, конечно, я предупредил, чтобы больше не высылали мне денег, так как я вполне был обеспечен своей службой.

К этому времени наш кружок “Севан” разросся, в нём было уже более двадцати членов. Имелась своя библиотечка, получались газеты, и, даже, устраивались ежегодные официальные открытые вечера с концертами и танцами в одном из клубов города.

Мои практические занятия со студентами по фитопатологии проходили успешно. На них всегда присутствовал и сам профессор, временами корректируя мою работу. Так продолжалось до середины марта 1897 года.

Наступило время отправки студентов-выпускников на производственную практику в имение института “Петергоф”, причём предварительно требовалась сдача двух специальных дисциплин. Выполнив эту работу, я направился к своим коллегам на практику. Имение находилось близ железнодорожной станции “Олай” в сорока километрах от Риги. Для выполнения своих ассистентских обязанностей я должен был в неделю два раза приезжать в город до конца второго семестра, что я проделывал аккуратно. Имением заведовал профессор фон-Книрим, который одновременно читал нам несколько специальных дисциплин. При нём работали ещё два ассистента по полеводству и агрохимии. Они руководили практикой студентов и их дипломными работами.

Студенты были размещены в специальном доме по одному и по два человека, смотря по размерам комнаты. Что касается питания, то мы все были на пансионе семьи профессора, за что платили по тридцать рублей в месяц. Был общий стол для нас и семьи профессора вместе с ассистентами. Сидели студенты группами по национальностям, во главе же стола восседал профессор с женой.

X X
X

Наступило первое мая. Праздник закончился распивкой доброй бочки весеннего пильзенского пива на балконе студенческого дома совместно с профессурой. Часть участников стала постепенно расходиться, и когда я попробовал тоже уйти, чувствуя себя уже перегруженным, то оставшиеся запротестовали, говоря, что я кавказец и должен уметь пить. И так продержали меня до глубокой ночи. Как я затем дошёл до своей комнаты не помню, но утром долго не мог поднять головы, а нужно было ехать в город на занятия. С большим трудом, наконец, поднялся с постели и с отчаянной головной болью поехал на станцию “Олай”. Это было первое моё похмелье (“катценямер”).

Приблизительно в средних числах июня был день рождения профессорши. Она обещала нам приготовить замечательный паштет, если мы настреляем голубей. Студенты достали ружьё и по очереди делали по одному выстрелу по сгоняемым с амбара голубям.

Я лично никогда ружья в руках не держал и с трепетом ожидал момента когда придётся мне выступить. Я стал внимательно следить за каждым движением стрелка.

Наконец ружьё в моих руках; даю выстрел и вдруг падают два голубя, вместо одного. Общий восторг и крик: "Вот, что значит кавказец, прямо волшебный стрелок!"... Мне оставалось только молчать.

Х Х
Х

В нашем имении велись работы по всем отраслям сельского хозяйства, доступных для северных районов, но особенное внимание уделялось полеводству и животноводству. Рядом с общей практикой велись специальные дежурства студентов по всему хозяйству, каждый раз сроком семь дней, когда приходилось вставать в шесть часов утра и контролировать работу в течении всего дня.

Для выполнения второй дипломной работы на тему: "Описание имения и план реорганизации его" был отведён июль месяц, когда каждый студент выезжал в намеченное имение и в течение одного месяца проводил свою работу. Зная об этом, я ещё в дни моего пребывания в городе, через жену Согоянца, которая приходилась родственницей известного Виленского помещика графа Тышкевича, заручился подобным имением и к сроку выехал туда.

Имение это называлось "Корсаки" и управлял им бывший питомец нашего института Мазверзит – уроженец Латвии, оказавшимся славным парнем. Его фамилия в переводе с латышского означает "маленький бычок", на самом же деле это был весьма статный гражданин. Мы с ним очень быстро сошлись и он во многом помог мне в моей работе.

По воскресным дням предпринимали вместе с ним поездки к ближайшим соседям по имению и таким путём мне однажды удалось познакомиться с одной петербургской семьёй, у которых гостила известная тогда певица Альма Фострем. Её иначе называли "финским соловьём" и, действительно, её пение очаровало не только нас, но и всех присутствующих там гостей.

Недели две после моего приезда в "Корсаки", Мазверзит получает письмо от графа Тышкевича, в котором он приглашает его вместе с практикантом-студентом на свадьбу одной его, графа, родственницы в главное его имение "Ладворово". Это лестное предложение было нами обоими принято, конечно, с радостью и в назначенный день выехали туда.

Сперва нас повели в столовую, где был накрыт стол на двенадцать персон. Вглядевшись в сервировку я увидел всюду графские гербы, не исключая и кресел. Познакомившись, расселись мы по своим местам, и тут началось небывалое для меня угощение. Вокруг копошится несколько лакеев: один подаёт закуски и разные блюда с явствами, другой наливает вино и ликёры, третий убирает ненужные тарелки и расставляет новые, и это тянется целых полтора часа. Я перепробовал пять блюд, а дальше стал отказываться; тоже самое было с винами и десертом.

В шесть часов вечера вся компания приглашённых, вкуче с невестой и женихом, в графских экипажах выехали в ближайшее селение, где в католической церкви состоялась церемония бракосочетания.

В девять часов вчера состоялся бал во дворце графа. Предварительно церемониймейстер подошёл к нам и предупредил, что сейчас нас будут представлять графине и её приближённым дамам. С ними беседу можно вести на любом европейском языке, только не на русском, и обязательно при этом целование рук дам при представлении. Всё это было с точностью выполнено, но одна молоденькая дама никак не давалась на ручное лобызание, несмотря на то, что я усиленно тянул её за руку. Она оказалась девицей.

Струнный оркестр заиграл вальс. Кто-то уже насплетничал, что я хороший танцор и церемониймейстер подлетел ко мне, чтоб я с графиней открыл бал.

Я был в сюртуке и белых перчатках. Сделав два тура с графиней, я подошёл к остальным её подругам, с которыми тоже пришлось проделать по одному туру вальса. Одни танцы сменялись другими и мне пришлось достаточно натанцеваться.

Ранним утром покинули мы графский дворец и направились к железнодорожной станции “Ландворово”. Ехали мы с Мазверзитом третьим классом. День был субботний и в нашем вагоне ехал какой-то еврей, но в странной позе. Перед ним стоял маленький таз с водой, в котором болтались его разутые ноги. Я удивлённо посмотрел на моего коллегу, не понимая в чём дело. Мазверзит объяснил мне, что иудеям по субботам, по их законам, нельзя ездить, но если случайно еврей в этот день очутится среди моря, то закон прощает его грех.

-Вот, посмотрите, как они обходят этот свой закон! - прибавил он.

X X
 X

В конце июля, собрав весь нужный материал для дипломной работы, выехал обратно в “Петергоф”. До глубокой осени продолжались лекции профессор фон-Книрима, а также наши практические занятия.

Под праздники я часто выезжал в Ригу, бывал в театрах и оставался там ночевать. Согоянец с семьёй целое лето проводил на взморье – Маёренгофе, и просил меня в дни приезда останавливаться в его квартире, снабдив меня домашним ключом. Как-то, в последних числах августа, был я в городе, и побывав в летнем театре за Двиной, в час ночи направился к квартире Согоянца. Вошёл во двор и стал подниматься по тёмной лестнице на четвёртый этаж. Вложив ключ в замок первой двери, я почувствовал, что замок сам открылся. Зажёг спичку, чтобы посмотреть в чём дело. Приоткрыв первую дверь я увидел надрубленный квадрат на второй двери и несколько щепок.. Я догадался в чём дело и быстро стал спускаться вниз. Подошёл к дворнику и сообщил о случившемся. Дворник со своей стороны вызвал дежурного городского и они вдвоём стали караулить. Утром на крыше были пойманы два вора-взломщика. Им некуда было прыгнуть, так как кругом были только одноэтажные дома. Эту ночь я спал у одного знакомого студента.

Как они меня не уколошили, прямо удивляюсь. Оказывается, пока я возился около дверей, они оба стояли за дверью чердака, ведущего на крышу. Всё это выяснилось на суде.

X X
X

В начале декабря 1897 года когда состоялись выпускные экзамены и в течение первых двух месяцев следующего года были сданы все три дипломные работы. Последняя работа была по сельскохозяйственному строительному искусству.

Я окончил первым студентом со званием учёного агронома первого разряда.

7. ПЕРВЫЕ ШАГИ

Теперь стояла передо мной другая задача, а именно, найти себе работу. Я решил сначала поехать к Христофору в Петербург и там ориентироваться с моим положением. Я так и сделал. Ежедневно стал просматривать бесчисленные объявления в газете “Новое Время” и, наконец, набрёл на заметку, что требуется агроном для заведывания опытным полем Козловского земства. Одновременно стал списываться с агрономом Пираловым, нашим дальним родственником, работавшим на Кавказе.

Хотя Козловское земство согласилось меня принять, но я, признаться, струсил начать самостоятельную работу и поехал в Тифлис на службу Кавказского Филлоксерного Комитета в качестве помощника Пиралова.

В конце мая я был уже в Тифлисе и мы вместе с А.С. Пираловым выехали во Владикавказ для обслуживания Терской области: - я в качестве инструктора, а он – эксперта Филлоксерного Комитета.

Дорога из Тифлиса во Владикавказ по Военно-Грузинскому шоссе мне показалось чудесной. Погода стояла ясная и лишь при въезде в город стал накрапывать дождик. Я сказал Пиралову: - Артемий Степанович, нельзя сказать, что Владикавказ встретил нас сухо! и действительно, два города восточной части Кавказа: Куба и Владикавказ большую часть года хмуры.

Наша работа в области началась с обследования казачьих виноградников, расположенных по левому берегу Терека, начиная со станиц Грозненского округа и до самого города Кизляра. Пираловым я был снабжён всем необходимым литературным материалом по виноградному хозяйству Кавказа, а разные руководства по этой специальности я закупил будучи ещё в Тифлисе.

Поездка по Тереку в летние месяцы страшно мучительна. После дневной работы нет возможности спокойно отдохнуть, так как после захода солнца весь путь кишит комарами. Приходится чуть-ли не на крышу лезть, чтобы сомкнуть глаза. В Щедренской, одной из крупных станиц с большим количеством виноградников, мы встретились с войсковым виноделом Севрюковым, который впоследствии послужил мне хорошим руководителем в ориентировке положения виноградногo хозяйства местного казачества.

Ещё подъезжая к станции мы разговорились с везущим нас ямщиком относительно войскового подвала и его заведующего: - знает ли он винодела и где он живёт?

- Как не знать его – это первый пьяница в станице. Как залезет с утра в свой подвал, так до самого вечера там пьянствует!

На самом деле Севрюков оказался человеком непьющим, и вдобавок, больным. Он сопровождал нас почти до Кизляра. Следующей значительной станицей была Шелкозаводская, где мы остались ночевать в общественной квартире у одной милой старушки Степаниды. Она мне запомнилась надолго вот по какому поводу.

В следующую свою поездку в эту станицу с аппаратом Вермореля для закладки показательного участка по лечению виноградников от болезни “мильдю”, тогда ещё мало знакомой населению, я остановился у Степаниды и попросил её к утру заказать мне верховую лошадь для поездки в виноградники. Действительно утром была подана не только моя осёдланная лошадь, но собрались и многие станичники верхами сопровождать меня и поглядеть на диковинное дело.

Не успел я ещё сесть на своего коня как следует, как вдруг он рванулся и понёс меня по улицам станицы. Казаки гнались за мной, я старался всеми силами сдержать лошадь, но не смог, она скакала как бешеная. Я, обессилев, повис набок. Ещё несколько мгновений и лошадь встала как вкопанная. Подлетели станичники и стали поднимать меня на седло, но я слез с лошади и решил идти пешком. Мой скакун оказался упряжной лошадкой, объездить которую я не сумел!

Многие казаки тоже спешили. Показательный участок уже был заранее намечен. После приготовления бордоской жидкости (раствор медного купороса и извести) приступили к опрыскиванию лоз пульверизатором. Невдалеке появились какие-то девушки, которые наблюдали за нашей работой, а потом сразу куда-то скрылись. Как впоследствии выяснилось, они побежали в станицу с криками: “бес шипит, бес шипит!”. Так таинственно подействовало шипение пульверизатора Вермореля на них!

На обратном пути владелец участка, у которого было произведено опрыскивание лоз, уговорил меня сесть на его лошадь и предупредил, что лошадь никогда не понесёт, если садясь на неё, одновременно с вожжами захватить её за гриву.

Всю компанию он пригласил к себе на обед. Нас угощал гостеприимный хозяин вовсю, а запивались все блюда чихирем (слабое 8-9 градусное вино) со льдом. Только в шесть часов вечера удалось мне выехать из станицы.

Я был утомлён и страшно расстроен от пережитого утром приключения, и не доехав до Грозного, остановился на одной из почтовых станций. Меня томила жажда и я заказал себе самовар. Сколько я выпил стаканов чая не помню, но что-то очень много. Утром я встал, как обалделый.

X X
X

На пятый день нашего выезда из Владикавказа мы с Пираловым прибыли в Кизляр, проехав несколько станиц и город Моздок. Эти два города на Тереке, с преобладающим армянским населением, напомнили мне мою родную Кахетию, где также среди множества грузинских деревень имеются два оазиса с армянским населением: Сигнах и

Телав. Все эти четыре города одинакового происхождения, они основаны два с лишним столетия тому назад переселенцами из Карабаха и других районов Кавказа.

Существуют всем известные “кахетинские” вина, но имеются и, так называемые “кизлярские” вина на многих рынках. Разница между ними, конечно, огромная, благодаря разным климатическим и почвенным условиям местностей, а также разводимыми сортами лоз. Кизлярские вина – с меньшим содержанием спирта, мало экстрактивны и несколько сладимы на вкус. Но уход за виноградниками здесь идеальный. В больших виноградниках над каждым гектаром насаждения имеется специально назначенное лицо, которое инструктирует и контролирует все проводимые на его участке работы. Их называют здесь “тамадой”.

Нас познакомили здесь с одним из передовых виноградниковладельцев этого района – Мамаджановым. Он оказался чрезвычайно гостеприимным человеком. После осмотра его виноградовладельческого хозяйства, мы собрались уже в обратный путь, но он просил хоть денёк пробить у него в гостях. Однако, этот денёк растянулся в целых три дня, и мы с трудом вырвались из этого обаятельного дома.

X X
X

Осенью 1898 года предстояла сельскохозяйственная выставка во Владикавказе. Основное ядро выставочной комиссии состояло из трёх человек: помощника атамана Терской области генерала Писарева, старого агронома – петровца Тускаева и Пиралова; я же был прикреплен к этой тройке, как самый молодой работник, на ролях адъютанта. Предстояла в этот раз моя поездка в Хасав-Юртовский нагорный район области для обследования виноградников и привлечения местных сельских хозяев к участию на выставке со своими экспонатами.

В Хасав-Юрте начальник округа предоставил в моё распоряжение специального переводчика, так как жители селений говорят тут на нескольких наречиях и иногда люди двух соседних селений друг друга не понимают. Моего переводчика звали Ирисби. Это был человек средних лет, несколько худощавый, с болезненным лицом, но спокойным характером, и внушал к себе полное доверие. Единственным его недостатком было то, что часто прикладывался к водке, всегда имевшейся при нём, ссылаясь на боли в желудке.

Ехали мы на линейке, запряжённой двумя клячами, еле передвигавшими ноги. Через часа два мы очутились в селении Муцал-аул, населённым кумыками и занимавшимся, главным образом, виноградным хозяйством. В них преобладали преимущественно столовые сорта лоз, так как мусульманское население виноделием не занимается и “официально” вина не пьёт.

Закончив здесь свою миссию относительно экспонатов для выставки, мы двинулись к следующему аулу, уже расположенному в горах и населённому горцами-тавлинами. Оно носило название Мятлы. Это было типично горское селение, где домики были расположены на склоне горы в виде ступенек гигантской лестницы, так, что крыша

одного дома служила двором верхнего соседа. Здесь, кроме виноградарства, занимались и овцеводством.

Посетив ещё несколько аулов мы с Ирисби возвращались обратно. Не доезжая десятка километров до Хасав-Юрта, меня начало клонить ко сну, и я, сидя, вздремнул. Проснувшись, я увидел, что нет со мной моего багажа – свёртка плюшевого одеяла с подушкой и папки с бумагами. Я посмотрел на Ирисби вопросительно, спрашивая: “где же моя постель”

- Не знаю, - был ответ. – Я тоже дремал!

Багаж мой исчез бесследно, несмотря на все поиски. И так, домой я вернулся без своей постели. Что Ирисби проделал с моим багажом до сих пор остаётся для меня тайной. Факт тот, что в дальнейшем, до самой женитьбы, я не знал что такое пуховая подушка и плюшевое одеяло. И то и другое были подарками Христофора.

Моё годичное пребывание в Терской области ознаменовалось ещё двумя событиями. Мы с Пираловым квартировали у одной довольно солидной дамы и расплачивались за комнату ежемесячно. Расписок от неё не требовали, да и было неловко это делать. Перед отъездом Пиралова в Тифлис к своей семье осенью, по окончании сельскохозяйственной выставки, я решил переехать на другую, более дешёвую квартиру. Но не тут то было. Хозяйка заявила, что мы должны уплатить ей не за две недели, как полагалось, а за два с половиной месяца. Мы опешили и не знали, что сказать. Решили всё же переехать, не рассчитавшись с этой наглой женщиной. На следующее утро к нам является судебный пристав и заявляет, что он должен описать наши вещи, так как мы ушли со старой квартиры не расплатившись с хозяйкой, и что дело передано в суд. Так как у нас, собственно, никаких особых вещей не было, то он записал номер золотых часов Пиралова и этим удовлетворился.

Дело кончилось печально, с меня взыскали за два с половиной месяца и ещё судебные издержки. После этого случая я был так напуган, что брал расписки даже с близких мне людей.

Вторая неприятная история произошла перед моим отъездом из Владикавказа, когда я был переведён инструктором в Бакинско-Дагестанский район. Всю зиму я провёл в городе, командировок особых не было, перезнакомился с некоторыми семьями, и даже, сдружился с двумя-тремя местными купеческими сыновьями, с которыми бывал в театре и на вечерах.

В начале лета, когда я уже собрался выехать на своё новое местожительство, получаю повестку из почты с извещением о переводе мне наложенным платежом из Риги золотого академического значка, которого уже давно ожидал с нетерпением.

Билет был куплен для выезда в Тифлис, где я должен был получить командировочные деньги и последнюю зарплату. Осталось в кармане несколько рублей на дорогу, а на почте для выкупа посылки надо было платить тридцать рублей. Поэтому я обратился с просьбой к самому близкому моему знакомому, который всегда располагал деньгами, одолжить мне эту сумму на два-три дня до приезда в Тифлис, откуда я их немедленно перешлю.

Он отказал мне, ссылаясь на какой-то неправдоподобный предлог... Пришлось просить почту переслать посылку в Тифлис, так как к другим “друзьям” уж больше обращаться не хотелось...

Так я стал впервые распознавать людей, только что вступив в жизнь!

Х Х
 Х

Перед тем, как выехать в свой новый район из Тифлиса, я должен был пробыть две недели в Сакарском питомнике американских лоз, где предстояло мне ознакомиться с американским видом лоз и методом прививки к ним европейских сортов винограда для защиты наших виноградников от филлоксеры, которая уже свирепствовала в западной Грузии.

Но я не преминул, по дороге туда, остановиться на два дня в Боржоме, где Егор проводил лето с семьёй, и, кстати, встретился с Римсо Хосроевой, с которой познакомился ещё в 1893 году в Коджорах. Она мне в те годы очень нравилась. Боржом произвёл на меня хорошее впечатление как курорт. Но я слишком увлёкся прогулками и боржомской целебной водой. Последствия их были не особенно благоприятны для меня и я приехал в Сакарский питомник полубольным.

Представившись заведующему питомником агроному Старосельскому, я узнал, что мне придётся жить не при самом питомнике, где свободных комнат не имелось, а в селении Квирилы, близ железнодорожной станции того же названия. Таким образом, мне пришлось ежедневно совершать рейс от дома до питомника и обратно в три километра. В таком же положении находился и другой гость Старосельского инструктор Жан, у которого я поселился в Квирилах.

Жан оказался прекрасным компаньоном и интересным собеседником. Единственным недостатком его являлась чрезмерная рассеянность. Так, он рассказывал, однажды, зайдя в ресторан в Кутаисе, чтобы пообедать, заказал всё нужное кельнеру, и принялся за просмотр газет, лежащих на столе. Окончив чтение надел шляпу и ушёл домой. Поднимаясь к себе по лестнице, только тогда вдруг вспомнил, что он ещё не обедал!

В самом питомнике я познакомился почти со всеми служащими там, и в числе их заведующим лаборатории вин, получаемых от привитых лоз к американским сортам, Простоседровым. Этот последний был необыкновенно худ, с жёлтым измождённым лицом и вечно закутан в зимнее пальто. Он страдал местной малярией, и я раз видел, как его трясло несчастного в самую знойную жару. Как он избавился от этого недуга не знаю, но ныне он здравствует и выделяет в Ереване лучшие хересные вина.

Ознакомившись с американскими лозами и их гибридами, а также поработав над, так называемой, английской прививкой, я выехал в Тифлис, чтобы вместе с Пираловым направиться на место нового назначения в город Баку.

Х Х
Х

В Баку мы приехали в самые жаркие дни конца июля 1899 года и остановились у Мелика Кулиджанова, приходившимся нам обоим близким родственником.

Через три дня мы пустились в путь в северные районы Прикаспия. Железная дорога была ещё только в проекте, поэтому нам пришлось трястись, волей неволей, на перекладных – через Сумгаит, Дивичи, Хачмас в садоводственный центр района – город Кубу. Путешествие продолжалось почти два дня, не имея в дороге никаких удобств. Но въезжая в Кубу, уже после сумерек, нам казалось, что мы попали в рай, так было прохладно здесь в предгорье величественного Шах-Дага.

Тут нашим путеводителем явился агроном Атанасян, работавший в качестве управляющего одного из крупных имений Кубинского уезда. В самой Кубе и ближайших районах виноградников не было, зато плодоводство занимало здесь самое крупное место, как в местном хозяйстве, так и для всей Бакинской губернии.

Виноградники были расположены лишь в Мюшкюрской низменности и в двух селениях: Хачмас и Кильвар с армянским населением. В самом городе Кубе имелась школа садоводства, которая, однако, не умела привлечь такой контингент учащихся, чтобы выпускать специалистов садоводов. Ученики, научившись русской грамоте, уходили из школы и поступали в качестве писцов или переводчиков в местные государственные учреждения.

Осмотрев несколько плодовых садов в окрестностях города, а также виноградники Мюшкюрской низменности, мы простились с Пираловым. Он выехал в Дагестан, а я остался в Кубинском уезде для устройства показательных участков по лечению виноградников и плодовых садов.

Сначала я решил в ближайшем к городу селении Нючеды устроить показательный участок по лечению плодовых садов. Глашатай селения сумел собрать довольно большое число садовладельцев для ознакомления их с борьбой против вредителей садов. Собрались почти исключительно старики, потому что время было страдное и молодое поколение находилось на полевых работах.

После краткой беседы и демонстрирования лечения, я обратился к присутствующим, не желает-ли кто-нибудь из них полечить и свои плодовые деревья, так как участок, где проводилась работа, принадлежал старшине селения.

Садовладельцы долго перешёптывались и, наконец, один почтенный старец подошёл ко мне, похлопал меня по плечу и заявил: "от лица всех нас благодарю вас за ценные сведения, которые мы услышали относительно необходимости лечения наших садов и желаем доброго здоровья и счастливого пути! Когда нужно будет, непременно известим Вас".

Осталось мне собрать свои манатки и уехать домой.

Ещё более печально кончилось дело, когда в следующем году, в начале лета, выполнял свою миссию в виноградниках Апшерона. Здесь дело дошло до бросания жребия, у кого будет устроен показательный участок. Попавший по жребию

садовладелец, ведя меня в свой виноградник, чуть не рыдая, просил оставить его в покое и не поганыть разными лекарствами его детища.

Таковы были тогдашние условия агрономической помощи населению в восточном Закавказье.

После селения Ньюеды, я наметил устройство показательного участка виноградника в имении, где работал агрономом Атанасян, в Мюшкюрской низменности. Но, чтобы не отвлекать рабочих рук в хозяйстве, я решил нанять в Кубе человека для опрыскивания лоз на участке. Таковой был быстро найден на главной улице Кубы, а именно, молодой еврей из слободы, служивший всем желающим на “побегушках”.

Проезжая через еврейскую слободу с ним в направлении к имению, наш экипаж остановили двое молодых людей и пошептались с моим наёмником на своём жаргоне. Едва выехав из слободы на открытое шоссе, я заметил, что моему соседу что-то не сидится. Затем, вдруг, обратился он ко мне с просьбой освободить его от предстоящей работы. Я не согласился. Тогда он быстро спрыгнул с экипажа и побежал в направлении к слободе. Я ничего не мог понять из всей этой истории и поехал дальше.

Окончив работу в имении, на другой день выехал обратно верхом в сопровождении двух служащих указанного хозяйства, но по более краткому пути – через Мюшкюрский лес.

Через день в Кубе распространился слух, что в день моего отъезда из имения, вечером, было нападение разбойников на него, и что взят в плен управляющий хозяйством. Это оказалось правдой. Атанасян был через несколько дней освобождён из плена по внесению хозяином имения, бакинским богачом, довольно крупного выкупа разбойникам (на указанном ими заранее месте).

Такие нападения Мюшкюрских разбойников в Кубинском уезде были нередки. Я предполагаю, что они дождались моего выезда из имения и потом совершили своё преступление. Значит мой проезд через Мюшкюрский лес ими был наблюдаем своими лазутчиками. Хорошо, что я этого не знал!

Осенью, приблизительно в начале сентября пришлось выехать на юг моего района для ознакомления полностью с садо-виноградным хозяйством на месте.

Путь начался со станции Аджикабул Закавказской железной дороги. До города Сальян дорога была сносная, а дальше пришлось ехать около десяти километров по сильно заболоченной от разливов реки Куры местности.

Я остановился на один день в Сальянах, чтобы осмотреть окрестные виноградники и познакомиться с неким Шаганшаевым, которого расхваливали мне, как самого образцового местного виноградниковладельца.

Шаганшаев оказался очень приветливым старичком. Он охотно согласился ознакомить меня с основными аборигенными столовыми сортами винограда, причём один белый сорт, носящий название “сальянский” оказался слегка солоноватым, благодаря значительному содержанию соли в местных почвах.. Оказалось однако, что Шаганшаев человек и с некоторыми странностями. Например, свою племянницу, жившую вместе с ним, старался, во что бы то ни стало, выдать замуж за “порядочного” человека, И, вот, в разговорах, начались всякие намёки в этом направлении. Я старался, конечно, не понимать его и принял все меры, чтобы скорее уехать от него.

Х Х
Х

Езда от окрестностей города по направлению к Ленкорани началась чрезвычайно оригинально, а именно на плоскодонной лодке, запряжённой лошадкой, еле передвигавшей свои ноги. Дорога представляла собой сплошную топь, смешанную с грязью и заросшую местами растительностью. Так продолжалось путешествие до ближайшей почтовой станции. С этого пункта уже шла шоссейная дорога до самой Ленкорани.

Первой моей остановкой было селение Пришиб. Здесь меня познакомили с местным пионером рационального виноградарства с сельским учителем по фамилии Покусаев. Действительно, его участок, хотя и небольшой, был засажен многими европейскими лозами, привитых на американских подвоях, ввиду надвигавшейся с западного Закавказья бича виноградников филлоксеры. Отсюда я направился в крупное виноградо-винодельческое селение Привольное. День был субботний, но в домах населения, кроме малышей, не нашёл. Оказалось, что все в синагоге, так как жители, хотя и русские, но иудейского вероисповедания. Это были переселенцы, изгнанные царской властью из внутренних губерний России более столетия тому назад за свою веру. Такой факт для меня явился необыкновенной новостью!

Виноградники тут были засажены, главным образом, винными сортами, привезёнными, преимущественно из Кахетии. Сами садовладельцы виноделием мало занимались, а продавали урожай приезжим купцам из других винодельческих районов. В Ленкорань прибыл я только к вечеру. Здесь мне интересно было видеть имение Карповича, расположенное в окрестностях города и славящееся своим образцовым плодово-виноградным садом, а также посетить селение Вель со своими виноградными садами, засажеными исключительно американским сортом изабелла, не страдающим грибковыми заболеваниями, несмотря на большую сырость этого района ленкоранского уезда.

Осмотрев уже созревший урожай виноградных садов, я убедился, что действительно, виноград не был тронут болезнью милдью, между тем, как виноградники других селений болели грибковыми болезнями.

Уезжая из селения, один из местных садоводов преподнёс мне два громадных арбуза, весящих каждый не менее полпуда. Я никогда не видел таких гигантских арбузов и с благодарностью принял их, как редкость.

Обратный путь из Ленкорани в Баку я решил совершить морем. Сидя на берегу моря довольно долго в ожидании парохода, меня начала томить жажда и я решил купить у близ находящегося торговца небольшой арбуз. Своих гигантов было жалко резать. Купленный арбуз я съел с большим наслаждением, и, совершенно успокоенный, устремил свой взор в спокойную даль Каспийского моря.

В нескольких километрах от берега обрисовывался небольшой остров "Сара". На этом песчаном изолированном острове предполагалось в ближайшее время Кавказским филлоксерным комитетом заложить дезинфекционный питомник американских лоз для

снабжения виноградниковладельцев Закавказья подвойным материалом для борьбы с филлоксерой.

На этот изолированный остров попал я только через несколько лет после этого, когда на Кавказе появились комитеты виноградарства и виноделия.

Питомник состоял из двух участков в несколько десятин, из которых были посажены лозы американских типов "Рупестрис", "Рипария", "Берландиери" и их гибриды. Кроме того был заложен перед самым домиком заведующего питомником Черноглазова небольшой участок ассортимента лучших лоз Закавказья. Сам заведующий был немного глуховат, но это пол-беда, а дети совершенно превратились в одичалых ребят, так как годами они, оказывается, не попадали в город и ничего не видели.

Х Х
 Х

Приблизительно в полдень отплыли мы из Ленкорани. Море чуть волновалось и настроение у меня было прекрасное. Под утро поднялся страшный шторм, а мы были уже всего в километрах пятнадцати от Баку. Пароход, как ни старался, не мог двигаться вперёд и мы укрылись у какого-то острова. Только в двенадцати часам приплыли мы к пристани. Мой багаж состоял всего из маленького ручного саквояжа и двух арбузов, но для последних пришлось нанять двух амбалов-подростков. И вот, они несли их вслед за мной. Встреченные с удивлением поглядывали на меня и на мои вельские подарки. Я их преподнёс моим близким родственникам и они оказались сочными и очень вкусными, не в пример вельскому винограду "изабелла", мало сладкому и имеющему специфический привкус, который французы называют "гоут фоксе" (лисий привкус)

Эта последняя поездка имела очень печальные для меня последствия – я заболел, и очень серьёзно, мугано-ленкоранской малярией, которая в дальнейшем почти искалечила меня на всю жизнь...

Х Х
 Х

Весной 1900 года я был командирован Бакинским губернатором на Мугань для проведения борьбы с саранчой химическим способом. Почему-то я считался специалистом этого дела, вероятно, только благодаря тому, что в предыдущем году такую же работу пришлось мне вести в Дагестанской области, на низинах близ города Петровска.

Делать было нечего. Пришлось ехать через Аджикабул в Сальяны, чтобы встретиться с местным уездным начальником Джорджадзе, который ведал саранчовым делом в своём уезде. Он оказался очень радушным и весёлым человеком, так что путешествовать с ним было нескучно.

Объезд начался вдоль персидской границы, всегда кишашей саранчовыми залежами с бесконечно заболоченными местами.

Нужно сказать, что от такой неприятной работы (в смысле здоровья) я окончательно отделался лишь в 1911 году, когда на горизонте появился энтомолог Радецкий – специалист по саранче. Это был полуагроном, полуаферист, обделывающий всякие тёмные дела. Кончил же он свою карьеру через несколько лет весьма печально за свои бесконечные проделки с финансами и казённым саранчовым инвентарём.

Х Х
 Х

Но я отвлекся от рассказа о своей поездке с Джорджадзе. На одной из наших остановок, недалеко за персидской границей, я заметил полуразрушенный дворец очень оригинальной архитектуры. Мне хотелось поближе посмотреть это сооружение и направился один туда.

На обратном пути я увидел дуло ружья, направленное на меня русским пограничником. Я стал махать белым платком, что сдаюсь, но как раз в это время показались мои сопутешественники и инцидент, таким образом, закончился благополучно.

Борьба с саранчой (собственно мароккской кобылкой) проводилась двумя способами, а именно: старинным методом – загоном пешей саранчи в специально выкапываемые длинные в виде дуги канавы, и частично, химическим методом – опрыскиванием раствором парижской зелени (мышьяковистый порошок) с известью специальными пульверизаторами, при наличии какой-либо растительности на местах от рождения саранчи, когда она ещё не делает массовых передвижений.

В первом случае требуется несколько десятков рабочих для загона саранчи, а иногда и сотни, а во втором случае – только несколько человек для приготовления раствора и опрыскивания растительности.

Объехав все саранчовые пункты, где велись работы, и отдав соответствующие указания, мы остановились у одного мелкого помещика, который в честь посещения его уездным начальником, князем Джорджадзе, устроил званый обед с большими возлияниями.

После обеда моему князю вздумалось, почему-то, пострелять в цель, причём мишенью служила бутылка на голове его стражника. Я воспротивился этой опасной затее, но он был навеселе и настоял на своём. Когда он отрезвился, то серьёзным тоном сказал мне: "я уверен в себе, но если, когда-нибудь, промахнусь, и кто-либо пострадает, то вторая пуля готова для меня!". Он славился в уезде замечательным стрелком.

Последней нашей, более длительной, остановкой был рыбный промысел известного рыбопромышленника Маилова. Хозяин промысла был весьма тучный, краснощёкий гражданин, очень приветливый к гостям и большой хлебосол. Он закатил нам необыкновенный обед, состоящий исключительно из рыбных блюд. Тут фигурировали и севрюга, и осетрина, и лососина, и Бог знает что ещё, не исключая, конечно, роскошнейшей зернистой икры. В заключение подали мороженое, - нам в вазах, а хозяину в глубокой тарелке. Маилов, съев свою порцию, потребовал ещё и предложил

нам также повторить. Мы из вежливости послушали его, хотя слишком были перегружены едой.

Вернулся я в Баку в конце мая, когда все саранчовые работы были закончены и окрылившаяся, частично, саранча, в недоступных для работы камышах, начала свои полёты.

В 1900 году, в конце лета, Кавказское общество сельского хозяйства (Садовый отдел) устроило в Баку небольшую выставку. Она помещалась в так называемом Губернаторском саду (ныне сад Революции). Я принимал, конечно, в ней участие, как местный агроном. У меня была хорошая коллекция болезней и вредителей местных виноградников, которую, возможно хорошо оформив, я выставил как экспонат.

Одновременно с выставкой шли доклады участников выставки на различные темы по садоводству. Городом для этой цели был предоставлен зал бывшей городской думы. Мне предстояло также выступить с докладом о болезнях виноградной лозы в Бакинской губернии. Я к нему готовился с большой тщательностью, так как это было первое моё публичное выступление.

Сделав свой доклад, я ответил на заданные мне вопросы слушателями, а затем в прениях по докладу выступил представитель и инициатор выставки Шавров. Он стал по косточкам разбирать мой доклад и указывать пробелы в моём выступлении. Это показалось мне прямым оскорблением и я на другой же день убрал свои экспонаты с выставки.

Но каково же было моё удивление, когда через месяц после закрытия выставки получаю отчёт Кавказского общества сельского хозяйства о Бакинской выставке, и в нём нахожу мой доклад без всяких изменений и дополнений, да вдобавок заметочку, что за выставленные мной экспонаты награждён малой серебряной медалью.

Х Х
 Х

Осенью того же года я получил от Пиралова предписание, чтобы я прислал в Тифлис в качестве экспоната для Всемирной Парижской Выставки сушёные груши и яблоки с хвалёных кубинских плодовых садов. Я ответил ему, что в Кубе идёт совершенно примитивная сушка плодов в обыкновенных тындырах и они не годятся для выставки. Несмотря на это получил вторичное напоминание, чтобы упомянутый выше экспонат был к сроку непременно представлен. Мне ничего не оставалось, как выехать в Кубу. Но это не так легко было сделать. Уже началась стройка Баку-Петровской железной дороги. Часть пути была уже проложена, и даже ходили рабочие поезда с платформами, но попасть на такой поезд было невозможно. Мне пришлось выехать по старой почтовой дороге.

Ямщик довёз меня до Сумгаита, а дальше уже на перекладных нельзя было ехать, так что почтовая станция оказалась давно закрытой. Отсюда пришлось ехать до Дивичей на арбе с невероятно высокими колёсами, приспособленными для сильно песчаных дорог.

От Дивичи до Кубы довезли меня на фургоне. Переезд этот тянулся трое суток! В Кубе я закупил знаменитых сушёных плодов три килограмма и вернулся обратно в Баку в рабочем поезде, благодаря знакомству с начальником станции Хачмас. Дорога в этот раз тянулась всего шесть часов.

Привезённые фрукты рассортировал, отобрав лучшие экземпляры, помыл их хорошенько и высушил.

Одновременно с этим “экспонатом” я отправил в Тифлис один килограмм маслин, любезно предоставленный мне заведующим Губернаторским садом Васильевым. Маслины были собраны с оливковых деревьев указанного сада. В Тифлисе сушёные фрукты были, конечно, забракованы. Бакинские же оливки были премированы на Всемирной Парижской Выставке за их отличное качество!

8. КРИЗИС ЖИЗНИ. ЖЕНИДЬБА

С 1901 года моими отправными пунктами в летне-осенние месяцы, для обслуживаемого района были Куба и Дербент. Малярия не покидала меня. Припадки этой болезни с сильными болями в области желудка и повышением температуры повторялись каждый раз после посещения малярийных областей. Силы мои падали с каждым годом. Вторую половину лета 1901 года я провёл в Тифлисе, участвуя в устройстве Закавказской сельскохозяйственной выставки, организованной по случаю столетия присоединения Грузии к России. Там я чувствовал себя бодро и стал несколько поправляться. Бакинский климат тоже влиял на меня хорошо.

В 1904 году, в конце весны, вернувшись с саранчовых работ в Дербент, где я тогда жил, снова почувствовал приступы болезни, но, всё-таки продолжал свою обычную работу.

Однажды, возвращаясь с обхода дербентских виноградников домой, не дойдя каких-нибудь двухсот шагов до моего жилища, я почувствовал такую слабость, что присел на лесенку какого-то подъезда, и дальше двинуться не мог. Пришлось позвать фаэтон.

Я жил в семье провизора Вацовского, который содержал при своей же квартире небольшой аптекарский магазин. Он предложил мне успокаивающие капли. Но приняв их, через несколько минут я почувствовал ужасную слабость, как будто сердце вот-вот хотело остановиться. Пришлось принять другие капли, возбуждающие сердечную деятельность.

Через неделю я несколько оправился, но решил, хотя бы временно, поселиться в ближайшей от города дачной местности, а именно, в урочище Дешлагар. Но выехать туда один не рискнул: пришлось вызывать для этого свою свояченицу, по профессии фельдшерицу.

Горная местность, куда я попал, оказала своё благотворное влияние. Предпринимал недалёкие прогулки и перезнакомился с приезжими дачниками. В дальнейшем предпринял даже небольшое путешествие на Гуниб, родину знаменитого дагестанского имама Шамиля. Дорога была весьма интересная через Мекегинские

высоты, аулы Левашы, Ходжалмахи со своими бесчисленными садами косточковых пород, наконец, Салты. Здесь была небольшая передышка перед поднятием на Гунибские высоты. Вдруг, совершенно потемнело, хотя не было и трёх часов дня. Нависла грозовая туча и начался ливень, сопровождаемый громом и молнией. Мне казалось, что в Салтах придётся заночевать. Однако, не прошло и двух часов, как тучи рассеялись, показалось солнышко. Коляска была подана и мы двинулись по Губинскому подъёму. Природа стала меняться: кругом голые скалы фантастических форм с оригинальными названиями, как “спящая красавица”, “Мулла” и прочее. Появилась северная растительность: мы были на высоте свыше тысячи метров над уровнем моря. Я почувствовал учащённое дыхание, но окружающая волшебная природа отвлекла меня от всего. Вдали виднелись зелёные поляны, освещённые ярким солнцем, аулы с прилипшими к скалам саклями, множество летающих горных птиц...

Гуниба, видневшегося ещё издали как гнёздышко на вершине скал, мы достигли лишь после захода солнца. Пришлось остановиться на почтовой станции, где уже до нашего приезда находился один очень странный с виду гражданин в ожидании лошадей. Заговорив со мной и узнав, что я агроном и закончил сельскохозяйственный факультет в Риге, он обратился ко мне с вопросом: “Вы Дохмана знали?” Я действительно знал такого студента, довольно жуликоватого парня и большого силача.

- Так знайте, что он сволочь и большой негодяй, - продолжил мой незнакомец. – Он погубил мою дочь! Это, ведь, полный невежда; не мог отличить пшеницу от ячменя в моём имении!

Действительно Дохман был женат на русской актрисе и особыми знаниями не отличался. Он окончил курс, как говорится, “на скорую руку”.

Из дальнейших разговоров с незнакомцем оказалось, что он владелец небольшого имения, и ныне является местным окружным врачом. Общее же впечатление он произвёл на меня нервно-расстроенного человека.

Переночевав на станции, ранним утром я выехал на Верхний Гуниб, чтобы посмотреть на место, где был пленён русскими войсками знаменитый имам. Въехав через крепостные ворота, я заметил невдалеке небольшую берёзовую рощу и велел вознице ехать туда. По картине Рубо “Пленение Шамиля”, виденной мной в Тифлисе в помещении Храма Славы, я сразу узнал это место. Действительно, среди рощи возвышался небольшой обелиск с начертанной на нём датой пленения этого горного орла.

Долго оставаться здесь я не мог, почувствовав сильное сердцебиение и слабость. Я находился на громадной высоте, чуть ли не на вершине Дагестана!

В Дешлагаре я пробыл ровно месяц и затем, через Дербент, направился в Баку.

Х Х
 Х

Весной 1905 года я был вызван уполномоченным министра земледелия на Кавказе в Тифлис для получения инструкций по проведению саранчовых работ химическим способом в Ордубадском районе Эриванской губернии.

Эта командировка мне, конечно, не улыбалась, но отказаться было невозможно. Выехал я на эту работу не один, а взял с собой Санчо Панса моего брата Егора – Сакула в качестве рабочего. Мне нужен был один сподручный для разных поручений.

Воспользовавшись случаем пребывания в Эривани, я осмотрел Эчмиадзин, резиденцию каталикоса Хримяна Аирика, которого я видел ещё будучи реалистом в Петербурге, когда он приезжал туда представляться царю. Особенное впечатление произвёл на меня знаменитый пруд “Нерсесян”, расположенный близ древнего Эчмиадзинского храма.

Путь от Эривани до Нахичевани шёл вдоль плодородной Араратской долины с её цветущими садами, а вдали красовался исторический седоглавый Арарат. В Нахичевани меня встретил уездный начальник с какой-то немецкой фамилией. Он был очень предупредителен по отношению ко мне и принял все меры, чтобы меня хорошо устроить. Однако от поездки со мной на саранчовые работы под каким-то предлогом отговорился, заявив, что через денька два он меня нагонит.

Нанять фаэтон для поездки в Ордубад поручил я Сакулу, как специалисту по таким делам, но он привёл не фаэтон, а какую-то рухлядь, на которой было рискованно ехать в такую даль. Сакул оправдывался тем, что фаэтонщики запрашивают такую цену, на которую можно купить целый фургон...

Надеясь на Аллаха, я пустился в путь. Переехав, кое-как, протекающую тут речку, мы выехали на пустынную равнину. Поднялся довольно сильный ветер, потом перешедший в ураган. Пыль кружилась с невероятной силой, поднимаясь к небу в виде опрокинутых гигантских воронок. Смерч! - подумал я и укутался в своё тёплое пальто. Проехав с десяток километров, я увидел несколько странных палаток, раскинутых около небольшого оврага и группу полуголых ребятишек. Это был цыганский табор.

Не успели мы ещё несколько метров проехать до этого места, как из одной из палаток выскочила девушка и побежала за нашей колесницей, издавая какие-то гортанные звуки. Она просила денег. Я кинул ей несколько серебряных монет. Подобрав их она продолжала бежать за нами, посылая воздушные поцелуи. Я бросил ещё горшню денег. Она была близка от нас. Я ясно разглядел её горящие огнём красивые чёрные, как уголь, глаза. Я бросил ещё горшню.

В это время схватил меня Сакул за руку и угрожающе крикнул: “Что ты делаешь, безумец, этак мы и до Ордубада не доедем!” Наша красавица стала постепенно отставать...

Не доезжая нескольких километров до Джульфы, полил сильный дождь. Я укрылся, насколько было возможно, под дырявым фордекелем нашего “экипажа”, но это не спасло ни меня, ни Сакула, мы оба промокли до нитки. В Джульфе, пограничном городе с Персией, на берегу Аракса, пришлось нам обсушиться и переночевать.

Х Х
 Х

Ранним утром пустились мы в дальнейший путь. По дороге стали попадаться саранчовые станы, где велись уже работы по борьбе с саранчой химическим методом.

Всюду давались мной нужные указания по правильному приготовлению раствора парижской зелени и опрыскиванию растительности на местах отраждения насекомого. Таким образом, мы доехали до Ордубада только к вечеру. По дороге, не доезжая километров пять до Ордубада, я увидел вдали на возвышенности, в пышной растительности столицу “Зокладнии” – Акулисы.

Подъём к Ордубаду был довольно значительный. Фаэтонщик и Сакул слезли с коляски и стали усиленно погонять наших кляч. Наконец добрались до почтовой станции, где должна была быть моя постоянная резиденция для разъездов.

Тут застал я ещё другого пассажира – англичанина со своим переводчиком. Нужно сказать, что всюду, где я проводил лечение садов или борьбу с вредителями полевых культур, меня величали званием “эким” (врач), и это, очевидно, вводило в заблуждение многих. Тоже самое случилось и с моим иностранцем. Переводчик обратился ко мне с просьбой от лица англичанина, чтобы я дал кое-какие советы ему, так как он чувствует себя нехорошо. Я объяснил, конечно, в чём дело, но тем не менее, мы познакомились с англичанином. Он возвращался из Персии к себе на родину. Вечером улеглись мы спать, я на имевшейся там тахте, а мой англичанин – на своей дорожной складной парусиновой кровати, предварительно раскрыв все окна и дверь в комнате. Ночью я проснулся и почувствовав холод, осторожно прикрыл и окна, и дверь.

Ранним утром я был разбужен шумом и фырканием моего соседа, занявшегося своим утренним туалетом. Он обливался холодной водой, стоя в широком резиновом тазу. Затем умылся тоже в специальном умывальнике на складных ножках. Покончив с туалетом он принялся завтракать яйцами всмятку, отбивая верх яйца ножом и глотая всё содержимое целиком. Наглотавшись, таким образом, с полдюжины яиц, он быстро упаковал свои вещи и, хлопнув дверью, ушёл.

И так, я был отомщён, за ночной мой поступок!

Проработав около недели на саранчовых залежах и не дождавшись своего уездного начальника с немецкой фамилией, я выехал обратно в Нахичевань. В дороге особых приключений не было, если не считать особенной прыти наших рысаков при одном крутом спуске, когда они понесли нас. Но, к счастью, вскоре начался подъём дороги и они успокоились. Кроме того мы больше не видели цыганского табора, а лишь обгорелые места, где раньше стояли палатки.

Уездный начальник встретил меня также радушно, как и в первый раз, извиняясь, что не сумел попасть в Ордубад ввиду срочных дел, и несколько раз приглашал к себе отобедать. Каждый раз я отказывался от его любезных приглашений под различными предлогами.

В день отъезда из Нахичевани он пришёл ко мне в сопровождении двух чапаров (верховых стражников) и преподнёс четыре бутылки красного вина, говоря, что это старейшие нахичеванские вина, и мне, как специалисту, интересно будет попробовать их. От этого я не мог отказаться, думая, что повезу это вино с собой для анализа и дегустации.

Затем от таинственно со мной заговорил о том, что если я буду в Эривани у Тизенгаузона (губернатора), то просит замолвить о полном благополучии в его уезде.

- А для чего же привели сюда ваших стражников? – невольно вырвалось у меня. – Да так.... Чтобы Вас сопровождать.

Я их с первой же версты отпустил домой.

Уже приближаясь к Тифлису Сакул часто стал заглядывать в мой вагон (мы ехали в разных вагонах). Я догадался в чём дело и передал ему бутылку подаренного вина.. Через минут двадцать он снова зашёл ко мне, но со страшной руганью по адресу уездного начальника.

- Это не вино, а настоящий уксус, так и сяк твоего уездного начальника! – бормотал мой Санчо Панса.

Х Х
 Х

Вернувшись в Тифлис, вскоре малярийные припадки дали о себе знать, и в такой сильной степени, что я вынужден был обратиться к уполномоченному министра земледелия Медведеву дать мне долгосрочный отпуск для поправления здоровья. Мне было в этом отказано. Чувствуя, что я не в состоянии буду работать, всю надежду на выздоровление перенёс на свою родину Сигнах: родной климат, возможно, исцелит меня!

К тому представился удобный случай. Уезжал в Сигнах двоюродный брат Аршак Кулиджанов. У него был собственный дом в верхней части города с небольшим виноградником. Таким образом, имелась возможность устроиться в семье.

В Сигнахе я пробыл два месяца, наслаждаясь красивой природой, чистым горным воздухом и хорошим питанием. Появилась также одна знахарка, которая, узнав о моей болезни, предложила меня вылечить особой настойкой каких-то трав на старом красном вине. Я и на это пошёл, и пил в течение двух недель это зелье, каждое утро натошак по чайному стакану.

Находясь в полном уединении в Сигнахе, временами я переписывался с моей кубинской симпатией Вале́й Тертомасовой, которая в это время жила в дачной местности “Манглис”, близ Тифлиса. Я был близок с семьёй Тертомасовых с первых же лет моего приезда в Баку. Летние месяцы семья проводила в Кубе, где постоянно проживала их бабушка Зарват-ханум, имевшая там прекрасный дом и фруктовый сад. Часто гуляя с компанией местных барышень, когда речь заходила об узах Гименея, то я Вале говорил, что я, вообще, не собираюсь жениться, но если это случится, она будет моей единственной избранницей.

Уезжая из Сигнаха в конце августа, я чувствовал себя вполне здоровым человеком, не зная, благодаря ли чарам моей знахарки или моей родины, а, может быть, и вкуче обоих факторов.

К моему приезду в Тифлис Валя была уже там у своей близкой подруги Софии Кондратьевой.

Я теперь чувствовал, что мне в жизни нужна опора. Одинокая холостяцкая жизнь уже приелась. Нужен был какой-то выход. Я решил жениться и сообщил об этом Вале. Согласие было получено и я приступил к оформлению дела. Прежде всего, я хотел

избегнуть официальности самого процесса венчания. Поэтому я обратился к знакомому священнику с просьбой повенчать нас в какой-нибудь загородной церкви и не сообщать об моём решении до этого никому из моих близких, включая и родного брата Егора. Я передал ему документы для оформления дела в консистории и сообщил, что единственным свидетелем при венчании будет мой приятель агроном Атанасян, который к этому времени перекочевал в Тифлис со своей семьёй и уже издавал сельскохозяйственный журнал “Гюхатнтес”

В начале сентября 1905 года всё было готово к совершению церковного обряда. Время было революционное и городской транспорт бастовал. С большим трудом были найдены извозчики, и мы все тронулись в путь в дальнюю церковь на Авлабаре, но не доехав до места назначения, в дороге решили остановиться около первой встречной церкви и там повенчаться, на что согласился и священник.

После венчания мы все были приглашены на скромный обед в семью Атанасяна. Но нужно, всё-таки сказать, что наше таинственное венчание не обошлось без некоторого курьёза и даже событий. Оказывается, священнослужитель не сдержал своего слова и проговорился перед некоторыми моими родственниками о моём намерении. Те, бедные, желая устроить мне неожиданный сюрприз, с букетами направились в назначенную церковь, но прождав несколько часов там, не солоно хлебавши, вернулись обратно.

Под вечер, после обеда, я с Валею собралась домой. Проезжая Дворцовую улицу, мы услышали ужасный грохот брошенной бомбы. Доехав до дома семьи Кондратьевых оставили фаэтон, зашли к ним, чтобы переждать тревожный момент. Когда же всё успокоилось, мы направились домой.

Около моего дома, в конце Головинского проспекта, меня поджидал Сакул, которого прислал ко мне Егор по какому-то делу. Узнав о моих узах, он кинулся обратно не дождавшись даже ответа, чтобы сообщить о сенсационном событии. Никто ему, конечно, не поверил, думая, что он пьян. Также недоверчиво отнеслась квартирная хозяйка к моему сообщению о женитьбе.

Жене пришлось оставить свою службу учительницы в Баку, но вскоре она нашла уроки в знакомой бакинской семье Гарсоевых, а затем я был привлечён к этой работе в качестве преподавателя математики: готовил двух мальчиков в младшие классы реального училища. Впоследствии с этой семьёй мы так близко сошлись, что они предложили нам к ним переселиться в их обширную квартиру. Так началась наша новая жизнь.

К весне собрались к нам родные жены из Баку, поэтому мы поторопились нанять себе новую квартиру, и она была быстро найдена на Верийском подъёме. Подходило и время приёмных экзаменов наших учеников. Покончив с ними мы зажили своей семейной жизнью. Так продолжалось до начала лета, когда обо мне вспомнили в Филлоксерном комитете. Мне предложили снова должность инструктора комитета и командировку в Шемахинский уезд на филлоксерное обследование.

Это меня очень устраивало, так как Шемаха прекрасное дачное место и мы вскоре выехали туда троицей: я, жена и моя новая “белле сеур” Маня, сестра жены.

Устроив семью в верхней части города, начались мои поездки по винодельческим селениям Шемахинского уезда, вместе со своим помощником – местным учителем

Яврумовым. Жена же занялась совместно с сестрой домашним хозяйством. Появились куры, петушки, цыплята и обеденный стол был всегда украшен прекрасно препарированными куриными блюдами. Нужно сказать, что Маня только что перешла на второй курс медицинского института и анатомия очень занимала её, поэтому эта часть кулинарии была предоставлена исключительно ей.

Приблизительно в неделю раз свои поездки связывал с некоторого рода пикником для семьи. В таких случаях мы брали с собой прекрасную вырезку из баранины, и пока велись у меня работы в виноградниках, семья была занята подготовкой всего нужного для шашлыков, а потом совместно с моим помощником и садовладельцем приступали к основной работе - верчению шашлычных шомполов и закусыванию, с некоторым возлиянием, на лоне природы.

По окончании работ по Шемахинскому уезду, все мои старания как-нибудь устроиться в Тифлисе не увенчались успехом. Мне пришлось с осени 1906 года окончательно превратиться в бакинского жителя.

9. УЧЕБНАЯ КАРЬЕРА

Моя научная деятельность началась со студенческой скамьи, когда в 1897 году состоял ассистентом по фитопатологии у профессор Шиндлера и одновременно выполнял дипломную работу по растениеводству “Развитие волокон льна у сортов Остзейского края”.

Перейдя по окончании курса на производственную работу в качестве агронома, я не оставлял своей деятельности в этом направлении, помещая в специальных журналах научные статьи, а с 1910 года и издавая брошюры и книги по виноградарству, производству и ценным культурам.

Заведывая Бакинско-Дагестанским районом, я находился, так сказать, под крылышком моих новых родственников Тертомасовых-Саркисовых, и в летние месяцы вся семья, как и я, бывали желанными гостями в их имении в Кубе. Это дало мне возможность хорошо изучить местное садоводство и к 1911 году подготовить более капитальную работу: “Монография сортов яблонь и груш Кубинского уезда”.

Одновременно со службой в Кавказском Филлоксерном комитете, для поддержания семьи я должен был взять уроки в городских школах, но в конце лета 1911 года, когда открылся Бакинско-Дагестанский комитет виноградарства и виноделия, я был приглашён туда старшим специалистом и это меня материально хорошо устраивало. Теперь у меня было достаточно времени для моих научных работ. Поэтому в том же году мной была выпущена по линии комитета краткая книга “Виноградарство и виноделие Бакинской губернии и Дагестанской области”, а в 1913 году под тем же названием вышла солидная книга с иллюстрациями, предназначенная к открытию съезда всех кавказских комитетов виноградарства и виноделия в Тифлисе. Кроме того в промежутки времени с 1913 по 1917 годы вышли мои брошюры “Болезни и вредители виноградной лозы и их лечение” на трёх местных языках. Работая же на Апшероне, я близко изучил одну из местных,

наиболее ценных культур "шафран" и вскоре вышла моя книга "Шафран и его разведение", ныне являющаяся уникалом.

X X
X

Между тем шла Первая мировая война, закончившаяся в 1917 году февральской буржуазной революцией, перешедшей осенью в Октябрьскую демократическую. Турки подходили к Баку, а в середине сентября 1918 года он пал. Семья еле спаслась от смерти, но всё наше имущество было потеряно. Затем наступили тяжёлые муссаватские времена. Наконец 28 февраля 1920 года вошли в Баку советские войска и население свободно вздохнуло. Но это было время, когда все должны были служить, чтоб получить паёк хлеба, и жена вместе со мною начала работать в Наркомземе, сначала счетоводом, а затем помощником бухгалтера.

Дети наши уже учились в школах. Старшей дочери было около тринадцати лет, а младшей - одиннадцать.

Получаемая нами зарплата не удовлетворяла всем семейным потребностям и приходилось в вечерние часы заниматься снова уроками. Кроме того, к 1921 году я сумел по линии Наркомзема выпустить книжку "Виноградное хозяйство Азербайджана" и несколько плакатов, за что от зам. Наркома Степанова получил около двухсот рублей и ботинки, хотя и грубые но, к тому времени, терпимые.

В том же году, когда ценность кредиток сильно падала, нарком земледелия Агамалы-Оглы приобрёл у меня 24 моих рисунка масляными красками яблок и груш кубинского уезда в различных поворотах и разрезах, составляющих иллюстрации к моему труду "Монография яблок и груш Кубинского уезда". Эта работа случайно уцелела после турецкого погрома и мною была реставрирована. За неё я получил миллион рублей! Но кредитки так быстро падали в цене, что за них через два дня сумел купить только мешок муки. Эта работа была передана Наркомзёмом сельскохозяйственному музею в Баку, где она хранится до сих пор.

1922 год был годом глубокого для меня горя. Погибла моя средняя дочь Виргиния, красивая способная девушка четырнадцати лет (как рассказывала внучка рассказчика – вся семья ушла в гости и Виргиния осталась дома одна. Она стояла у окна что-то рассматривая на улице. Где-то вдалеке стреляли и шальная пуля попала ей прямо в висок).

Это был первый тяжёлый удар в моей жизни. Смерть сестры так подействовала на мою старшую дочь Ганю, что всю осень пришлось её лечить, да и я долго не мог придти в себя.

X X
X

Весной 1922 года было организовано управление виноградарства и виноделия "Азвин", к которому я был прикреплен Наркомзёмом для заведования научно-

культурным отделом указанной отрасли хозяйства Азербайджана. Часто посещая виноградные совхозы Ганджинского района, образованные из бывших крупных немецких поместий, богатых ассортиментом виноградных лоз, как местных закавказских, так и европейских, приступил к составлению ампелографии Азербайджана, выявляя и детально изучая наиболее рентабельные сорта винограда для республики. В дальнейшем изучались сорта винограда таких важнейших районов Азербайджана как Апшеронский, Шемахино-Геокчайский и Агдамский а также Нахичеванского края. Эта работа была полностью закончена по двум основным районам республики: Гянджинскому и Апшеронскому к 1930 году и была издана как капитальная работа с пятьюдесятью иллюстрациями “Материалы по изучению виноградного хозяйства Азербайджана” АзНаркомземем.

В 1929 году я был приглашён сельскохозяйственным факультетом Азербайджанского политехнического института для чтения курса виноградарства и виноделия для оканчивающих студентов института. Я принял это почётное предложение, но со стороны сельхозфакультета совершенно ничем не был обеспечен для проведения лекций, кроме пустой аудитории, доски и мела....

Пришлось пользоваться исключительно теми пособиями которые имелись у меня и приступить к постепенному оборудованию кафедры на отпускаемые скудные средства. Вдобавок, за неимением комнаты для кабинета, мне было предоставлено деканом факультета деревянное помещение во дворе, служившее ранее столярной. Здесь зимой всё замерзало, а летом все пособия выгорели. Только осенью 1924 года мне любезно был предоставлен уголок для библиотеки и хранения пособий у себя на кафедре профессором общего земледелия Лебедевым. Все эти неудобства я переносил любя своё дело и ради студенчества, которое прекрасно относилось ко мне. Первые годы лекции и практические занятия со студентами велись в послеобеденное время, так как утренние часы у меня были заняты службой по линии Наркомзема.

К 1926 году кафедра виноградарства и виноделия была уже хорошо оборудована, а кабинет был одним из образцовых в институте. Но дело не ограничилось одними лекциями по моей специальности. По просьбе студенчества и деканата мне пришлось вести занятия и по садово-огородной дисциплине, на что мной затрачивалась масса времени, так как требовалась длительная подготовка к ним. Таким образом шла работа и по оборудованию второй кафедры.

В 1927 году я был избран адъюнкпрофессором по кафедре виноградарства-виноделия и утверждён ГУСом. Одновременно в течении двух лет я исполнял обязанности инспектора по сельскохозяйственному оборудованию при Наркомпросе. Такая перегруженность, понятно, мешала мне в чисто научной работе по основной моей специальности.

Только в 1930-31 учебном году я смог освободиться от чрезмерной загрузки, когда к концу года был приглашён профессор Краинский для ведения дисциплине по плодовым и овощным культурам.

В 1930 году декана профессора Смирнова-Логонова сменил заместитель народного комиссара земледелия Датиев и сельскохозяйственный факультет АПИ был преобразован в Азербайджанский Сельскохозяйственный Институт. Весной этого же

года я был избран и утверждён ГУСом профессором введомой мной кафедры. Это был один из самых радостных дней в моей жизни.

Осенью 1931 года институт был переведён в город Кировобад и, таким образом я освободился от Наркоземской работы, перейдя на персональную ставку по институту. Но ещё до перехода института в Кировабад, в Наркоземе возник вопрос об учреждении в АзССР зональной виноградно-винодельческой научно-исследовательской станции, и с этой целью в 1929 году я был командирован в Одессу на центральную виноградно-винодельческую станцию для ознакомления на месте с постановкой этого дела и для составления соответствующего плана для нашей станции. Эта работа мной была выполнена. А поездка в Одессу для меня была более чем приятна, что имел возможность встретиться с основоположником центральной станции В.Е.Тахровым, с которым я был связан своими статьями в издаваемом им журнале “Вестник виноградарства и виноделия”. Воспользовавшись этой командировкой, со мною выехала и моя семья, и мы сумели побывать не только в Одессе и её окрестностях, но и в Крыму, где мне нужно было посетить знаменитые Магарачские винные подвалы близ г. Ялты.

Эпохимическая лаборатория, организованная мною ещё в годы работы в управлении виноградарства и виноделия, Наркоземом сначала была прикреплена к моей кафедре, а затем, с организацией в 1931 году зональной виноградно-винодельческой станции в Садылах, близ Кировабада, она перешла к ней, как база для начала научно-исследовательских работ по виноделию.

Одной из печальных для лозы дат последнего десятилетия нужно считать начало лета 1925 года, когда мною была открыта филлоксера в виноградниках колонии Гюнфельд, Таузского района. Этот бич виноградной лозы, попавший в Европу из Америки ещё в середине девятнадцатого столетия, постепенно продвигался на восток через Францию, Германию, юг России, и в семидесятых годах был уже обнаружен на Кавказе: сначала в Кутаисской губернии, а затем в Тифлисской.

Эта мелкая тля, едва видимая невооружённым глазом, переходя на корневую систему европейской лозы, быстро размножаясь, высасывает соки из корней и лоза в течении нескольких лет погибает. Понятно, что Наркоземом были приняты экстренные мероприятия по карантину и заложены питомник американских лоз с целью получения подвойного материала для наших виноградников. Дикая американская лоза не страдает от филлоксеры и, поэтому прививая наши сорта лоз к ним, делаются и они филлоксероустойчивыми.

Х Х
 Х

Тут остановлюсь несколько на своих братьях, благодаря которым я встал на ноги и получил высшее образование, так как именно в эти последние годы я потерял их. Иван Захарьевич, у которого я провёл многие годы средней школы, в детстве был отличником учёбы, а затем стал прекрасным ретушёром фотографии, впоследствии и выдающимся фотографом. Через пять лет после женитьбы он тяжело заболел и был

покинут семьёй. Мы все братья, конечно, поддерживали его всеми силами. Скончался он в Тифлисе в 1920 году.

Другой брат Христофор Захарьевич, как я уже указывал раньше, был неудачным коммерсантом, но большим общественником. Прогорев со своей коммерцией, последние годы жизни провёл вместе с семьёй в Пятигорске, родине своей жены и скончался там весной 1922 года.

Третий, самый старший брат, Георгий Захарьевич, известный художник-пейзажист, ещё с раннего моего детства заботился и ухаживал за мной. Я его страшно любил и с его стороны встречал такую же взаимность. Он был влюблён в свою кавказскую природу и большинство тем его произведений принадлежат именно Кавказу. Особенно хороши были ночные виды – лунные ночи. В этом отношении он превосходил прославленного тогда художника Куинджи, бывшего больше на эффекты, чем на художественную отображённость природы. У Георгия Захарьевича было много поэзии в картинах. Он скончался в 1926 году в Тифлисе и похоронен рядом с известным народным поэтом Саят-Нова у преддверия старейшего в городе храма Св. Георгия. Похороны были необычайно торжественны.

Я его видел последний раз летом 1925 года, будучи проездом в Тифлисе, расцеловался с ним, и это был наш последний братский поцелуй.

Х Х
 Х

В 1928 году я получил от редактора журнала “Вестник виноградарства и виноделия” Б.Е.Таирова письмо, в котором он просил прислать ему автобиографию мою, так как он собирает материалы для издания энциклопедии по виноградарству-виноделию. Вскоре эта биография попала в один из номеров его журнала. Из полученного в Наркомземе этого номера журнала мои товарищи и сотрудники узнали, что уже в упомянутом году исполнилось тридцатилетие моей агрономической и научно-исследовательской работы и постарались эту для меня знаменательную дату роскошным ужином, подарками и телеграммами. А через несколько дней после этого, на съезде сельхозрабочих в АСПС эта дата была официально отмечена с предложением занести мою фамилию на Красную Доску и возбудить ходатайство о моём награждении.

Х Х
 Х

В последний год своей службы в Наркомземе, летом 1930 года, я получил трёхнедельный отпуск и с семьёй выехал во Владикавказ, но кружным путём через Тифлис, чтобы побывать на могиле брата и показать своим детям знаменитую Военно-Грузинскую дорогу.

В день выезда из Тифлиса мы несколько запоздали к месту отправки автомобилей и вместо автобуса попали на легковую машину, чему, конечно, очень обрадовались. Но не тут то было, эта машина оказалась с большим изъяном. На каждой станции приходилось

её чинить, поэтому мы от автобуса давно отстали и на станцию “Казбек” прибыли в десятом часу вечера. Здесь пришлось заночевать, так как дальше машина не в состоянии была двигаться. Это было весьма кстати, так как в дальнейшем наш путь лежал через Дарьяльское ущелье и мы смогли увидеть всю дикую грандиозность знаменитого ущелья при дневном свете.

Бесконечные остановки нашего автомобиля за всю дорогу дали нам возможность налюбоваться всей красотой нашего пути. После первой станции от Тифлиса – “Мчет” мы переехали массивным железным мостом через бурную Куру и вскоре очутились по дороге к станции Ананур на берегу светловодой Арагвы. С левой стороны дороги тянулись красивые лесные горы почти до самого селения Пассанаур, дальше к городу Душету начинался небольшой подъём, а в дальнейшем путь стал ровным и почти прямолинейным до самих Млет. Здесь веяло приятной прохладой, уже было около пяти часов вечера, а мы проехали только половину нашей дороги.

Недовольство моей жены в отношении автомобиля, наконец, было услышано шофером и он зло огрызнулся, бормоча под нос: “вот, когда попадают “такие” пассажиры, то всегда так бывает!” Очевидно для его машины требовались специально приспособленные к авариям субъекты.

С Млета начался подъём к Гудауру. Ехали медленно по скалистой горе, покрытой кустарником; дорога пошла зигзагами и оставленная нами долина была видна, как прекрасный ландшафт со змейкой текущей Арагвой при заходящих лучах солнца. Мы любовались этой картиной, а у Валерии же Никитичны кружилась голова... Наконец достигли вершины горы – станция Гудаур. Дальше больших подъёмов не было и мы стали спускаться к селению Коби среди горных лугов. Мы находились в центре Осетии. Переночевав в Казбеке, ранним утром, уже конечно, на другом автомобиле, покатали к Владикавказу. Мрачный Дарьял был освещён солнцем и на вершине высокой скалы виднелись развалины замка легендарной Тамары. А внизу бушевал дикий Терек. Над нами висели гигантские скалы. Дорога шла зигзагами и маленький неосторожный поворот машины, и мы могли бы очутиться в объятьях Терека. Миновав Ларе и Балту, мы уже приближались к городу.

Во Владикавказе пробыли только две недели, так как меня экстренно вызвали в Наркомзем.

Х Х
 Х

В сентябре 1931 года начались занятия в институте уже в Кировабаде. Теперь состав студентов несколько изменился: влилось достаточно молодёжи из колхозов. Профессорско-преподавательский состав тоже заколебался, но в отрицательную сторону. Большинство профессоров, связанных с другими ВУЗами, остались в Баку, а некоторые из них превратились в “наездников” и приезжали урывками. А в отношении учебной и производственной практики институт с переездом в Кировабад, конечно, много выиграл.

Связь моей кафедры с зональной винодельческой станцией в Садыллах была самая тесная. Большинство сотрудников станции, начиная с директора, состояло из бывших питомцев руководимой мной кафедры, и научно-исследовательские работы станции проводились, по преимуществу, согласовано с заданиями кафедры виноградарства-виноделия.

Директора института часто менялись. После И.М.Датиева несколько месяцев исполнял обязанности директора другой претендент на это место, фамилию которого теперь не помню. Затем, работали несколько лет, сначала Мусаев, а затем Дадашев. В бытность Мусаева директором, в Кировабад приехал по приглашению зональной станции профессор Ховренко, один из известных старейших специалистов-виноделов Союза. Воспользовавшись его пребыванием в Кировабаде, институт, по моему предложению, выделил виноделие в отдельную кафедру и предложил ему чтение курса. Моя работа велась согласовано с ним и я считаю этот период деятельности двух родственных кафедр виноградарства и виноделия наиболее плодотворным как для студенчества, так и самой отрасли хозяйства. Это был 1932-33 учебный год.

Вскоре пошли какие-то неурядицы с ним на зональной станции, а там была основная его служба, и он покинул Кировабад... Таким образом мы лишились одного из лучших преподавателей института и выдающегося специалиста.

В конце девятнадцатого и в начале двадцатого столетий наиболее выдающимися представителями нашего хозяйства в области научного виноградарства-виноделия являлись: указанный выше профессор Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии Ховренко, директор виноградно-винодельческой научно-исследовательской станции в Одессе и редактор "Вестника виноградарства-виноделия" Таиров и известный виноградарь-винодел Гоголь-Яновский. Их капитальные труды в области виноградарства-виноделия являются гордостью нашей сельскохозяйственной литературы. Поэтому, я считаю их, вместе с ампелографом академиком Коржинским, основоположниками нашего научного виноградарства и виноделия.

В 1935 году был поднят вопрос о праздновании сорокалетней научной и педагогической деятельности профессора метеорологии Фигуровского. Мои питомцы вспомнили и меня. Институт решил одновременно отметить и тридцатипятилетие моей работы в науке. Чествование, таким образом было двойное. Мы, как невесты, восседали на сцене нашего актового зала в президиуме, а выступающие ораторы читали наши биографии и о всяких достижениях в области наших специальностей, адреса, телеграммы и прочее. Причём, очевидно, были приняты все меры, чтобы никого из нас не обидеть. Подарки, полученные нами в виде прекрасных мраморных чернильных приборов или научные командировки и санатории были совершенно одинаковы. Торжество закончилось многолюдным ужином и танцами.

Больше всего мне доставила удовольствие научная командировка на Украину, ибо мне удалось выехать туда вместе с семьёй и прожить два летних месяца в таком прекрасном и живописном городе как Киев.

X X
X

Занятия шли своим чередом. Ещё с 1930 года была учреждена аспирантура при моей кафедре для подготовки научных кадров и число работников было увеличено при кафедре.

Работы по ампелографии продолжались уже в союзном масштабе почти до 1941 года, совместно с зональной станцией и были прерваны с началом Второй мировой войны.

В 1936 году директор института Дадашев был снят с работы и его заменил Таиров, при котором у меня начались некоторые неурядицы с нашей институтской администрацией. Дело обстояло так : в начале 1937 года скончался профессор Краинский, который руководил кафедрой плодоводства и овощеводства. Вспомнили в институте первые годы существования сельскохозяйственного факультета, когда не было возможности пригласить лицо, которое могло бы руководить вышеупомянутыми дисциплинами, а я пошёл навстречу молодому факультету и даже в ущерб своей кафедры, стал читать и плодоводство и овощеводство, чтобы выпустить первые кадры агрономов. Мне было предложено теперь дирекцией снова взяться за это дело. Я категорически отказался от этого, объяснив, что давно отстал от указанных дисциплин, да и свои занятия не позволяют этого делать; могу лишь помочь в руководстве студентов в дипломных работах. Начальству это не понравилось и начались интриги, которые могли окончиться печально, как для самого института, так и для меня.

К счастью, так случилось, что через несколько месяцев после конфликта, как директор, так и его заместитель по учебной части Кашиев, были сняты с работы за какие-то провинности по партийной линии, и их заменили. Поладов – в качестве директора и Фирюз Меликов – зам. директора.

В 1938 году профессор Фигуровский перевёлся в Баку и я оказался теперь старейшим профессором в институте. Предстояли выборы депутатов в Кировабадский городской совет. От института была выдвинута моя кандидатура в депутаты. По окончании выборов я был избран и членом Исполкома. Таким образом, моя общественная работа несколько расширилась, но это не мешало моим занятиям по институту. Кроме того, в период 1939-40 гг. начались съезды и собрания интеллигенции в крупных центрах республики, созываемые партийными организациями, причём специальное внимание уделялось деятельности интеллигенции старшего поколения в деле строительства новой социалистической жизни.

Мне исполнилось семьдесят лет. Об этом знало институтское начальство и хотело это чем-нибудь отметить.

На одном из вышеуказанных собраний в Кировабаде присутствовал тов. Багиров, с которым мне пришлось беседовать на небольшом совещании, созванном перед самым началом собрания. Мне было задано им несколько вопросов на темы дня и институтские дела. Беседа носила, в общем, дружественный характер, и мне казалось, что Багиров остался доволен моими ответами.

Как потом я узнал от директора Поладова, в этот вечер решался и вопрос о праздновании семидесятилетия и моей сорокалетней агрономической, научно-педагогической и общественной деятельности.

Торжество состоялось 7 марта 1940 года в здании городского театра имени Берия, на котором я, кроме телеграмм, адресов и подарков, получил звание Заслуженного деятеля науки АзССР, а через год, в день двадцатилетия нашего института и Орден Трудового Красного Знамени.

Это необыкновенное, как для кировабадцев, так и для меня, празднование было обставлено великолепно, но одновременно оно навело меня на тяжёлое размышление. Придя домой, я отвёл жену в сторону и сказал: “сегодня я видел свои похороны наяву.”

Х Х
 Х

Началась мировая война. В 1941 году все отпуска по институте были отменены и всё лето пришлось прожить в Кировабаде. С запада и севера шла эвакуация учреждений и различных организаций. К нам в Кировабад эвакуировался Симферопольский сельскохозяйственный институт со своим учебным персоналом. Частично попали к нам и дагестанцы. Наш институт устроил их насколько было возможно. К нам приехала в Кировабад и моя внучка Ирина со своей нянькой, так как Баку находился под большой угрозой. В том же году была мобилизована моя старшая дочь Ганя, как врач, и направлена в город Эйск в распоряжение лётной военной школы.

1941-42 учебный год прошёл сравнительно нормально, но лето 1942 года несколько тревожно, даже для Кировабада. Рылись глубокие канавы на случай бомбардировок. Лётная школа, где служила Ганя, была эвакуирована из Эйска в Моздок, а к осени она была уже в Баку и направлялась через Закаспий, в круговую, в село Борское, Куйбышевской области. Путь к Волге был уже закрыт, так как быстро надвигались неприятельские войска.

Путешествие это продолжалось почти полтора месяца. От Гани мы получали бодрые письма, но они имели целью только нас успокоить. Зная её слабое здоровье, я всё время беспокоился о ней и с нетерпением ждал момента прибытия их эшелона на место назначения. Наступила суровая зима и это ещё больше волновало нас. Наконец получили извещение, что они уже в селении Борском и мы, наконец, успокоились.

Х Х
 Х

В средних числах февраля мне передали, что получено письмо в АзСХИ из Борского, в котором сообщается о серьёзном заболевании Гани. Но это оказалось только подготовкой к тому, чтобы сообщить мне страшную весть о её смерти. Она погибла от дифтерии, свирепствовавшей в том районе в 1943 году.

Это был удар, от которого я больше оправиться не мог.

10. ФИНАЛ ЖИЗНИ

Мне дали месячный отпуск и я провёл его в Баку. Ехать в Куйбышевскую область не представлялось никакой возможности. Шла самая ожесточённая война и не видно было её конца.

По возвращении в Кировабад, мной был закончен курс моих лекций. Лето 1943 года мы с женой провели в Кировабаде и я старался заполнить свою опустевшую душу какими-либо занятиями, которые могли бы отвлечь меня от тяжёлых дум. Я принялся, сговорившись с Горисполкомом, за обследование городского парка, богатого редкими, для того района, древесными насаждениями, но совершенно запущенного, с гибнущими многими ценными экземплярами деревьев.

Параллельно с этой работой я приводил в порядок свою кафедру, подготавливая её к следующему учебному году, но душевное спокойствие во мне было нарушено. Часто повторялись у меня головокружения и чувствовался большой упадок сил и энергии. К концу лета я пришёл к окончательному убеждению, что продолжать свою работу на кафедре не смогу, и в начале октября подал заявление, чтобы освободили меня от занимаемой мною должности заведующего кафедрой виноградарства и виноделия – по преклонному возрасту и болезни. Кафедры я, конечно, не оголял, так как среди эвакуированного из Крыма преподавательского состава имелось лицо, которое могло продолжать работу по моей кафедре.

Мне был дан продолжительный отпуск, и только к концу января 1944 года был издан приказ об освобождении меня от занимаемой должности.

Так простился я с взлелеянной мной кафедрой при АзСХИ и, вообще, с активной деятельностью по своей специальности.

21 июня 1950 г